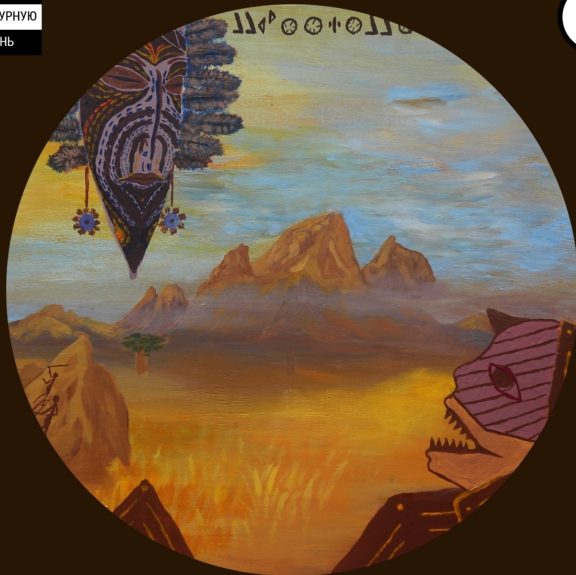

Александр Скоров

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Уран Маас

Часть 1

Александр Скоров

Уран Маас. Часть 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67032844

SelfPub; 2022

Аннотация

Есть такая книга у тибетцев "Бардо Тхедол". Она готовит человека при жизни к смерти. В данной книге идет повествование о душе идущей к своему воплощению. В сюжете много образов, абстракции, и рассуждения по самым старым и глубоким вопросам волнующим человека от начала времен.

Содержит нецензурную брань.

Александр Скоров

Уран Маас. Часть 1

Глава 1

Я родился среди густоты лесов под небом, которое было мне отцом. Отцом было небо, а матью – тьма и сырость. Камни и мох – мои братья, они вырастили меня, они научили. Они всегда шептали мне: «Смотри, смотри, вон падает звезда. Знаешь, куда она летит? Она летит создать чудо – очень, очень далеко. И каждый есть звезда. Только кто-то уже летит, а кто-то пока ожидает своего полета». И я шел дальше, не впитывая смысл слов.

Черная-пречерная тьма передавала меня, как эстафетную палочку, другой, не менее черной. Холодная хлюпающая жижа хватала меня за мои ноги и пыталась удержать. Черные линии ветвей, как будто тянущихся из темноты к светилам, окаймляли мне вид на небо. Часто я видел сверкающие в темноте глаза, направленные на меня, которые еще не съели, но, казалось, уже переваривали меня в своих желудках. Я ничего не знал, не желал. Не знал, кто я.

Спал я на одном и том же привычном месте. Я знал еще одно – там было теплее и мягче, но оно находилось на возвышенности, куда у меня редко оставались силы подниматься.

– Куда ты идешь? – послышалось из темноты.

– Не знаю, – ответил я.

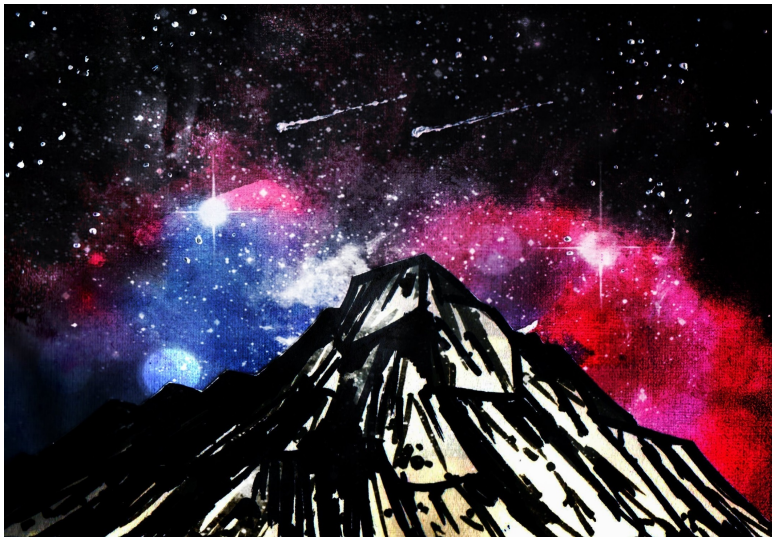
Раздвигая заросли, я пробирался к воде. Запахло илом. Я так люблю этот запах. Он всегда был рядом с водой. Только в ней я мог увидеть проблески света, не поднимая глаз. Там же я слушал лягушачьи трели, чтобы повеселить себя.

Послышался всплеск. Я насторожился и замер. Звезды тускло освещали мохнатую спину существа чуть выше меня ростом и гораздо длиннее. Оно, громко чавкая, грызло кости. То, что он ел, было когда-то живым. Оно так же ходило и хотело жить. Но никому нет до этого дела. Важно, чтобы это было сытно. И то существо, которое уже переваривается в желудке, ничем не отличается от своего пожирателя. Интересно, бывает ли по-другому? Или это неизменная данность?

В мире, в котором я жил, не было дня и не было красок, были силуэты.

– Куда ты идешь? – разбудил меня от мыслей всплывший пузырь в болоте.

– Я? Я иду спать к своему месту.

– Значит, когда ты выспишься, твой путь будет закончен? – спросил пузырь и лопнул.

Очень хотелось спать. Нужно осторожно, не создавая звуков, уйти, а не то мой путь закончится прямо здесь. Раньше, чем я выплусь.

Под ногами лежали хрупкие ветки, которые сообщали о каждом моем шаге, и уйти незамеченным не получилось. Как только я сделал первый шаг, раздался треск, который отдался эхом со стороны зверя. Шипящий гортанный рык. Страх привычный сменился незабываемым. Никогда такие встречи не заканчивались нападением. Что-то всегда их от-

талкивало. Мне пришлось идти непривычным маршрутом. Через более плотные заросли, где зверю было быть трудно пробраться. Я постоянно оглядывался.

Безопасная дорога закончилась. Вышел в небольшое пролесье. Стоял жуткий запах тухлого мяса. Вверху в листве шуршала паника, а об стволы терся ветер и жужжал: «Не бо-о-о-ойся, не бойся». Но тело мое непослушно тряслось: «Смотри по сторонам, они всюду, всюду! Они хотят меня сожрать!» Запах тухлятины, казалось, исходил уже от меня. Хотелось, чтобы это уже быстрее закончилось. Я не в силах бороться!

Вдруг я наткнулся на тушу без задней части. Голова закружилась. Туша приподнялась и громко зашептала: «Смотри вперед! Смотри вперед или ложись рядом со мной. Скоро придет избавитель». Побежал и упал в холодную воду. Моя паника начала растворяться в воде, как грязь с одежды. Вылез. Я должен был идти. Всюду лежали кости. Одни мертвые говорили мне: «Зачем ты себя спасаешь? Избавься наконец уже от этого!» Другие ничего не говорили, но в их молчании я слышал немое побуждение – страсть к жизни и приказ: «Во что бы то ни стало живи».

Пройдя довольно приличное расстояние, начал валиться с ног. Я заметил, что с левой стороны земля стала ближе, а справа уходила вниз. Через мгновение нога подвернулась, я потерял равновесие и с шумом покатился. Не знаю, сколько я так скользил, но очнулся от впивающихся в ладонь колючек

– ветки, за которые я ухватился.

Первое, что я заметил под собой, – непривычное для меня, обитателя лесов, большое открытое пространство. И что удивительнее, оно допускало в себя свет звезд. Оттого казалось оно мне доселе необычно освещенным. Мои глаза видели не только то, что вплотную перед ними, но и очертания вдалеке. А то, что я увидел под собой, заставило меня вздрогнуть. Еще мгновение – и, не зацепившись за ветку, я бы свалился туда. Небольшая река. Огромные торчащие пасти, которые поочередно открывались и закрывались. Эхом раздававшееся хлопанье ртов и бесконечно прекрасная, поражающая красотой долина. Пасти резко и разом умолкли. Поднялся, встал на четвереньки. Выполз наверх и тут же упал без сознания. Очнувшись, я с радостью обнаружил, что не свалился обратно. Передо мной были кусты с прекрасными вкусными ягодами. Они подарили мне большое наслаждение и полное насыщение. Во мне пробудилось до сих пор ни разу до этого не испытываемое чувство. Чувство, которое я пока не могу назвать, но оно очень сильно изменяло меня, оно было в груди. Впереди сквозь кроны зарослей пробивались редкие блики от ярких звезд. Вдруг под одним из них показалась и исчезла шерстистая полосатая спина зверя, который пронесся мимо, и блик снова упал на землю. Это заставило мое сердце опять колотиться. Я завалился назад и упал в кусты. Перекатился к обрыву, поехал вниз и ухватился за свисающий корень.

Внизу послышалось уже знакомое хлопанье ртов. Еще я услышал стук копыт где-то сбоку вверху. Зверь вышел к краю обрыва, и в лунном свете я разглядел огромную пасть размером почти в пол его тела, вздыбленную холку и маленький хвост. Он стоял и принюхивался. Видимо, определил мой запах и, как будто игриво подпрыгивая, приблизился ко мне. Подтянул свою морду к моей руке и начал лизать ее. Шершавый язык расцарапывал кожу.

Что-то зашевелилось в кустах, где я собирал ягоду. Ко мне потянулись прутья, полные сочных гроздей, которые только что питали меня. Они стали обвиваться вокруг моей талии, по рукам и ногам. И перетекать на зверя. В его сторону стали расти шипы. Зверь, взвизгнув, отскочил, когда шип уколол его. Он, протиснувшись, попытался ухватиться зубами в руку и тащить. Но шипы вонзились ему в шею. Мои руки стали шипами, шипы стали моими руками. Куст оплел зверя, резал его. Во мне кипел жуткий гнев, мои зубы стиснулись так, что стали крошиться. Шипами я вспорол ему живот, и оттуда на меня вывалилась печень, которую я с силой откусывал по кускам. Чудовище упало, пыталось отползти, рыло лапами землю...

Всякий разум заразен. Разумное существо заражает разумностью вокруг все, что способно его вместить. Все прошло, как сон. Со мной беседовал куст. Он объяснял мне, что среди существ, встреченных тут, я разительно отличался. Эти семена, что я съел от его ягод, должен посадить я –

этим сделаю его потомкам благо. Именно поэтому он спас меня.

После всего мое странное, пока безымянное ощущение усилилось. К нему, как сейчас понимаю, подходило слово «желание». Но желание чего? И что нужно сделать? Это оставалось неизвестным. Желание идти. Зачем-то искать что-то. С появлением желаний приходит и осознание своих границ. Я увидел в себе существо, отдельное от всего остального, и у этого существа есть устремление. И моя дорога стала темнее и ярче одновременно.

Проснувшись от сна, я потрогал себя – вот он я. Посмотрел на небо – вот звезды надо мной. Вокруг была жизнь, я улыбался и восхищался окружающим. Мои ноги понесли меня дальше. Что там, за горизонтом? Впервые я увидел это – очертания горизонта в еле просматриваемом сиянии. Дорога и время разделились на прошедшее, сиюминутное и ожидающее. Прохлада, которую я вдыхал, была такой живой и трепещущей, а звезды никогда так не светили. Они врезались острыми точками в мои глаза. Я побежал так яростно, так страстно. Я трепетал. Трава хватала меня за ступни, она кричала: «Стой, стой!» Я бежал и бежал, не думая ни о чем. И вдруг что-то хрустнуло. Время остановилось. Удар головой обо что-то твердое, долго падал. В плечо что-то воткнулось, потом я сильно ударился о поверхность.

Когда поднял голову, то увидел снег, всюду снег. Снег мутный, серый. Как будто на глазах пелена. Вдали мелькну-

ла точка. Появился еле слышный звон в ушах – пугающий, тягучий, медленный и страшный. Точка на горизонте стала превращаться в линию. По мере растягивания линии звон в ушах медленно прибавлялся. По этой линии скакала лошадь, такая же серая, как и все окружающее. Она приближалась – и вот я смотрю на нее ближе. Посмотрел ей в глаз. Он меня манил. Черный круглый глаз, который и был этим звоном в ушах. Чем больше я смотрел в него, тем больше он становился. От страха выворачивало наизнанку. В этом зрачке не смерть, нет, страшнее. Не знаю, как это объяснить, что может быть страшнее смерти, казалось бы? Но в нем была все-ленская пустота, великая черная дыра душ. Смерть казалась более легким избавлением от этого зрелища. Я хотел тут же, немедленно, прямо сейчас исчезнуть и провалиться в этот зрачок. Передо мной предстала черная тьма. Все остановилось, и уже я находился в пустой тьме. Перестал ощущать тело.

Она как-то странно стала шататься перед глазами, ритмично приближаясь. Это ощущение потери опоры. Я понял тогда, что сознанию обязательно нужна ось – точка опоры, что-то, с чем можно сравнивать, опираться, не теряя из виду. Чувствовать меру пространства. Я пытался найти ее, вращался, но понял, что даже тела своего я лишился. И тогда я остановился и стал просто смотреть. Что она мне хочет сказать?

Некоторое время тьма еще пульсировала, потом останови-

лась. Наступило молчание молчаний. Из тьмы стали проявляться видения: какие-то существа, неопиcуемые миры. Эти образы – сумасшедшие фигуры – приближались бесконечно. Я действительно ощущал себя безмерным. Сначала эти миры, являющиеся мне, казались микроскопическими, потом обычными, потом огромными, потом детализировались. Я погружался в одну из песчинок, и там я видел новый мир, который в свою очередь приближался ко мне, являя в своем микромире новые очертания. Дальше я ощутил холод. Сюжет смен декораций привел меня туда, где рождается любая форма, пустая, безжизненная и холодная. Я летел над бесцветной поверхностью. На ней находились фигуры – почти идеальные, угловатые, сложные и простые, все они имели почти ровные прямые линии. Там стоял холод, холод даже не физический, а более мерзкий – душевный.

И вдруг я почувствовал свое плечо, оно болело, потом лицо, потому что на него попал снег. Я почувствовал голову, шею, а потом и все тело, снег брызгал из-под сапог. Я огляделся: прежняя снежная пустыня, серость. Постоянная серость. Увидел перед собой строй людей: все одеты одинаково, все идут нога в ногу. Металл их оружия блестит с одинаковой геометрической точностью, лица у них одинаковые, взгляд безучастный, направленный строго влево вверх. Я отпрянул. «Как хорошо, что я увидел рассвет перед своим уничтожением», – подумал я. Под ногами этих солдат я увидел уничтожение. Они готовы раздавить любого под своими по-

дошвами. Кто-то теряет все, умирая в отчаянии, кто-то только тело, оставаясь собой даже в самый жуткий момент.

Строй солдат нарушала только одна фигура – всадник, управляющий всем. За него вся эта масса людей готова умереть. На нем надет шлем, закрывающий лицо, есть только прорези для глаз. В одной руке он держит страшное оружие, во второй рожок, призывающий к бою. Еще две руки бьют в барабан, задающий ритм всей этой интенсивной процессии, и еще одна рука держит стяг с символом земли. Этот всадник пронесся передо мной на лошади, которую я уже видел. Он очень высок, он величественен, и он обратился ко мне, хотя тело его не двинулось. Передо мной оказались личины, представляющие его. Одна личина обезображенная гримасой ужаса пригласила меня умереть, и я отказался. Вторая личина с блестящими белыми зубами (единственное, что сверкало здесь отчетливо, ярко) радужно улыбалась во все лицо. «Мы тебя ждем, – читалось в этой улыбке. – Не забывай о нас». Тогда четверо солдат по знаку всадника подошли

ко мне, и один очень крепко ударил меня дубиной по голове, так, что я отлетел. А вот упал я уже на траву, на то место, где я споткнулся.

Открыл глаза и увидел заветные звезды и заветный расцвет. Сделал первый шаг, оглянулся и уже не спешил к сиянию. Пока шел, начал замечать блески в траве. Оказалось, повсюду были светящиеся жучки, все было интересным, трава шумела, дул теплый ветер в лицо. А впереди – загадочное сияние. Но, я просто шел и знал, что однажды приду. Я шел. Много шел. Сияние не пропадало, но и не становилась ярче, но я всегда чувствовал, что я ближе, и чем ближе, тем горячее оно звало меня. Тем теплее становилось мне. На небе был хрусталь, в душе моей – восторг. Шаг за шагом, забылся сном. Потом очнулся, опять сияние и тьма. Ничего не меняется. Однажды я приду. Видел падающие звезды, те, что стремились совершить чудо. Они летели туда, куда шел и я. Что же вы? Куда вы? Разве можно его достичь? Опять впал в забвение. В траве кто-то шнырял. Все кишело вокруг по мере приближения, все оживало, и это давало надежду, что я делаю все правильно.

И вот передо мной стала вырисовываться возвышенность, оказавшаяся горой. Сияние спряталось за ней. Из-за горы то и дело вспыхивали яркие цвета: синий, зеленый, желтоватый, белый. Вдруг дорога моя стала уходить вниз, и там, внизу, стояла крошечная тьма. Заходил я в нее, как будто погружаясь в воду. Она такая густая, обволакивала мои руки

и ноги своей прохладой, она меня ласкала, она была приятна, она была хорошая, она была добрая. Я зашел вглубь, и начали проявляться рельеф и силуэты. Повсюду были поражающие своей бесчисленностью существа. Диковинные, злые, добрые, неуклюжие, толстые, худые, хромые, пушистые, лысые, забавные и не очень. Все эмоции и стремления их никак не могли на меня повлиять. Это такие маленькие мирки, они не тут, но они тут. Вблизи, среди кустовой тьмы я заметил маленького слона. Он посмотрел на меня, неестественно растянулся и протиснулся передо мной и как будто еще чем-то, но передо мной была пустая дорога. Я, улыбнувшись, скривил лицо. Забавно.

Я прошел дальше, и перед моим взором открылось поле, усеянное бледно-желтыми вытянутыми плодами. Подойдя ближе, под ногами я увидел старичка с длинной бородой и усами. Он тоже показался мне растянутым, как будто спешащим куда-то. И реальность подстраивалась под его спешку. Одна сторона его обгоняла другую. Причем обгоняла та, которая держала корзину, полную плодов. И желание сохранения припасов заставляло его нестись. Завидя меня, он быстро скрылся. «Да кому нужны твои плоды! Эхей! Их тут больше, чем облаков», – крикнул я и рассмеялся на всю долину, аж оступился. Дорога уходила вниз, горный горизонт и заветное сияние уже были где-то вверху.

Передо мной стояло озеро. Из него то выпрыгивали, то мелькали спинами рыбы, огромные, с большими шипами и

гигантскими проникновенными глазами. Что это за рыбы, и стоило ли бояться? Но глаза их были как озера. Необыкновенные глаза. Вся долина гудела, это был не гул, почти мелодия. Облака! Облака! Облака! Я только заметил. Они сворачивались в такие свертки, как будто их специально рисовал кто-то очень талантливый, чтобы меня удивить. Гул исходил от него, я не скажу, кто он. Как будто очень знакомый. Светился и бил в бубен, где то вверху в вышине гор, который отдавался в ушах. Я подошел ближе, чтобы разглядеть и рыб, и озеро, и... На берегу росла груша. Как мне это описать? Это труднее, чем взлететь. Поверьте мне, она вся усыпана цветами, она вся цвела, она очень хотела родить, она хотела накормить, она была беременна и пахла так, что я вспомнил лошадиный черный глаз. Так сильно этот запах поглощал меня. Но здесь меня поглощала жизнь со всем ее трепетом, со всей ее импульсивностью и страстью. Я упал в нее, я опьянел от нее. Вдалеке бил родник. Ритм гула ударялся в бурлящую воду. И отражался словами. Формы звуков, которые говорили о великолепии вселенной.

Глянул на озеро, и мне показалось, что там стоял корабль. Корабль разворачивал свои весла. Весла превращались в страницы. То ли это книга была, то ли корабль. Потом книга превратилась в птицу. Дальше я утонул в моей груше. А в руке что-то теплое, нежное, эта рука ласковая и мягкая. Я поднимаю голову, передо мной девушка, сияющая, как заря на горизонте. Нежная. Некоторое время стоял недвижимо

и любовался, а потом ухватил ее крепче и подпрыгнул. Мы полетели с одной вершины к другой. Я перепрыгнул уступ, а она боится. Посмотрел на нее и запомнил голубые глаза, такие же, как запах груши. А волосы волнистые, вьющиеся, как сейчас бы сказал, они как бесконечные игривые речи влюбленных, которые они в порыве любви беззаветно болтают друг другу, в которые так и хочется погрузиться. Но у меня тогда было мало слов. Я взял ее за руку покрепче и потянул. Все легко. Потом долго лежали под небом. Я тогда не умел говорить и не знал ничего. А она гладила меня и говорила, шептала, а я слушал, и не знал, кто я и что со мной.

Проснулся от того, что камень давил затылок. Я увидел одиночество небес без нее. Увидел и утратил, а в руке пустота. За короткий миг сна я так пристрастился к этой руке, к этой девушке, к этой нежности. И вообще, в долине я узнал любовь. Через этот запах я увидел рассвет – не свет, не освещение, а нереальный рассвет, рассвет жизни, рассвет чувств. Именно к этому рассвету я шел. В этот момент я понял и принял другую сторону существования. С меня слезла старая кожа. Несмотря на то, что я увидел невиданное и даже, то что не мог бы вообразить. В моей голове были эти голубые глаза, а рука вспоминала ту нежность, которую я держал, – хрупкую газель, прыгавшую со мной по вершинам. Пейзаж вокруг меня уже был другой: где-то выше в горах туман заволок все.

Я направился к вершинам, к тому заветному рассвету, на-

деясь узнать, увидеть, а главное – встретить ее. Она слилась с загадками внутри меня, которые я жажду разгадать. Внутри желание, которое оказалось еще больше и влиятельнее всех прежних. Хоть и сомнения были. Желание сместило даже страх, присутствующий до недавнего времени во мне постоянно. Мысли металась в пустоте головы, не знал, что делать, смогу ли, идя туда, что-нибудь найти. Может, это моя иллюзия. Груша одурманила меня. Пошутила. Сон пришел и ушел, а я остался. Если я там ничего не найду – умру. Долго наблюдал свою суету, а после всех этих дум уже никуда не хотел идти. Боюсь разочароваться. Зря я тогда не воспользовался предложением величественного повелителя смерти утонуть в бездонном зрачке его лошади.

От нежелания я упал и лежал бездыханно долгое время. Потом услышал шаги. Мягкие, но тяжелые. Поднял голову, увидел большую черную кошку. Она осторожно подходила. Неожиданно она стала желтая в крапинку. А затем и вовсе оказалась тем зверем с копытами, которого я зарезал. Жуткая морда с длинной пастью, которую в прошлый раз я не рассмотрел. Вдруг оно превратилось в волка с хищным оскалом. Потом его оскал превратился в блистающую улыбку – передо мной явился дух, прислуживающий великолепному повелителю смерти, являвшемуся передо мной тогда.

Его глаза тоже светились мутным блеском. Он посмотрел на меня сверху вниз, вновь обратился в большую кошку и набросился на меня. Когтями разрезал мне грудь, затреща-

ли ребра, он начал доставать внутренности, но не ел их, выбрасывал. А я покорился, захотел этого, хоть боль и пронзала меня. Вот он достал печень, когда-то я ему ее терзал, вот сердце. Следом он достает фиолетовый камень, сияющий и чистый. Что заставило меня очнуться. От камня я почувствовал запах – тонкий, изящный, нежный. Запах груши или запах волос. Волос вьющихся, кудрявых. Я очнулся как бешеный. Рукой, показавшейся на миг колючей веткой, полной ягод, я ударил зверя. Он умерил свой пыл. И мордой, не такой уж хищный уже, упал, жалкий, убежал.

А я проснулся. Осмотрелся: грудь целая, я целый. Очнулся вновь я в середине. Ничего не жду, ничего не боюсь, я здесь, и я рад этому. Но надежда и мечта во мне жила, и она понесла меня, разбивая мне ноги. А деревья хватали меня за плечи, ибо я имею мечту и надеюсь, и я могу идти. Проиграю ли я, найду ли я что ищу. А они стоят, не рискуя проиграть. И так и не знают, что там, за горизонтом.

Глава 2

Прошел немало. Размышляю. Я дошел до большого столба. На нем вырезано четыре лица. Первое – со стальными глазами и безэмоциональное. Под ним стоял знак квадрата. Второе – центральное на этом столбе, лицо очень эмоциональное и агрессивное. Под ним стоял знак двух волнистых линий. Третье лицо – сосредоточенное и устремленное. Под ним стоял знак нескольких острых прямоугольников. Четвертое лицо – застывшее в блаженстве. Под ним стоял знак

круга. Взглянув на круг, я глубоко вздохнул, как будто меня подбросило порывом ветра.

Сияние за столбом манило. Звезды смотрели на меня безмятежно и милосердно. Горизонт всегда был рядом, но убегал.

И я остановился, просто стоял. Никуда не надо идти, вот все, что нужно – милосердие великих (звезд). Вот красота вокруг и вот ягоды. Яркие звезды никогда не дадут утонуть в обыденности. И вновь я победил желание. И я остался там. Это место было в тысячу раз более наполненное жизнью, красотой, чем то, откуда я вышел. А где-то там, позади было то сказочное озеро с грушей и мечтами, которые никогда не усыпят меня. И все-таки мечты, как певчие птицы, пускай они поют мне издали, пускай эта нежная рука и голубые глаза ее светят для меня в высоте и дают энергию для жизни. Это лучше, чем я приду, найдя пустоту, разочаруюсь и упаду бездыханно на краю мира, не имея больше дорог для поиска. Вот то великое-безмерное, которое ставит большой вопрос передо мной.

Я был там долго, но, каждый раз уходя за пропитанием, все же медленно отдалялся. Как будто другой я тащил меня за руку все время. Встречал новые пейзажи, вопреки своей установке остаться и не искать. И вот ко мне приходят мысли о том, что есть неизведанное. И приходят объяснения, что значит это, что значит то. Мой ум ушел туда, далеко за горизонт. Он приносит мне вести о вещах, которых я раньше и не знал. А сам я не спешил. Идя по очередной тропинке, я вышел в простор, который принял меня. Бесконечный простор степи обнял меня, и мой дух ответил. Я шел по бескрайнему полю, и в руке вспомнилась нежная рука, хрупкая рука. И сюда я переместил свою ночевку. Простор дал мне настоящую свободу.

Пробыл я там неисчислимое количество времени. Это был миг, растянувшийся, как млечный путь, который был

моим покровителем. В мою голову стали приходить странно-сти – названия предметов, мест и явлений. Все стремительно менялось, если не вокруг, то в моей голове. Сердце всего мира неизменно било везде и в меня, даже если я остановился. Черные силуэты камыша скрывали за собой заветное сияние, оно было огромной загадкой в моей жизни. Каждый раз перед сном я смотрел через камыши туда. И сердце колотилось сильнее. Однажды ритм его стал невыносим. Опять меня терзали сомнения в моих решениях. Что так? Неужели я так и не узнаю? Неужели всегда буду думать о ней из сна и не знать, найду ее или нет? Правда она или грушевая галлюцинация? Я решительно встал и двинулся. Я смотрел вперед, ласкал травы ладонью и шептал себе под нос:

«А в степи моей дует ветер, спеша, улетают мысли с ним, им дыша.

Как прекрасна ее душа.

Мысль в слова про нее свивается.

Голосами своими, волосами своими, глазами меня ты окутала, и в ночном холоде мне тепло.

А в степи гулять, небеса обнимать, в бесконечном просторе ходить, там, где горлица аукала, так меня ты там, далеко, где меня уже нет, своим шепотом баюкала.

Ой, слышишь? Сова в темноте заухала, а вон там, смотри, вон луна что-то нам говорит, прогоняет восход, что-то сильно горит, говорит.

Я хочу в темноте парить! Вам прохладу дарить! Расцвета-

ет в степи, шелестят лепестки, как детская ладонь просты, благи. Как щеки твои нежны.

А у меня ладонь дрожит, чтоб еле слышно дотронуться.

Мой узор ты возьми, мой узор ты возьми, мой узор ты возьми, прими. Как ленту тесьмы невидимой.

Если пальцы мои не обнимут твои, если запах я твой не вдохну никогда, то тесьму мою в облака вплети, им любовь мою к тебе подари».

Глава 3

А дорога моя ветвится, извивается и увлекает. Впереди тайна. Каждый шаг – в неизвестность. Вдали силуэт. Мужчина. Играет на тростиночке, и звук такой ласкающий. Подхожу ближе. Он сидит и играет. Вглядываюсь прищуром: а это же я. Я, только какой-то большой. И невероятно уставший. Он смотрит мне в ответ. Улыбается. Ты удивлен? Время в этой градации, как поток водный, – целеустремлен, но витиеват, завихряется, и, спиралями своими задевает прошлое. Я – ты, только в будущем. Я очень многое прошел, я есть бесчисленное время, прошедшее от этого момента, то, которое ты и не в силах представить, и я почти забыл тебя. Устал, прошел эпохи активности и сейчас отправляюсь на покой.

– Скажи, скажи! – закричал я. – Тот заветный рассвет, он действительно зовет меня к открытию? Он светит из особого места? Он был там? Но там, где ты его видел, абсолютный мрак.

И вот он отчасти отделился и переместился, после распо-

ловинился и исчез.

– Я потерял плоскость, в которой меня для тебя видно, – прозвучали его слова без него. – Ты видишь только малую часть реальности.

И больше я не услышал ни слова.

Я пошел дальше в раздумьях. И что же, если рассвет видим мной, тогда это все выдумка? Куда же я тогда иду? И начали мои ноги подкашиваться, а в небе вспыхнула звезда. Все стало синеватым. Затрясло меня. Как же так? Стало жарко. Потерял себя. Трава приняла меня мягко.

И вот я вижу тот самый серый снег. И идут те самые воинственные полчища. Все они, как и прежде, одинаковы, как братья-близнецы. Гибнут под их ногами все образы, превращаясь в серый снег. Короля их там не было, но он всем этим правил. Также видел других людей, в другой форме, другого цвета, с другим оружием, но суть их одна и разум один на всех. Разум повелителя, приходящего к ним в разных масках и говорящего им разные слова, – тем самым этот многоликий творит свою мистерию. Смысл ее в том, чтобы обезличить мир. Чтобы лицо было одно на всех.

И полчища эти идут и идут без конца и края, и из-под их ног слышны стоны и крики, дым и невыносимая боль. Процессия движется, передо мной является представитель их величайшего повелителя и говорит:

– Смотри, тут заложена великая идея. Пока существует разность, разность лиц, идей, образов, мировоззрений, они

всегда будут конфликтовать. Если мы уничтожим эти разно-
сти, то исчезнет источник конфликта и наступит мир.

Он широко улыбнулся и ушел.

И вот я наблюдаю этот бесконечный марш. Время уско-
ряется. Вижу, как они истоптали все, и нет больше образов,
нет противоречий, нет конфликта, и все эти орды людей еще
больше сплываются в уверенности своей. И своей миссии.
И они готовы убивать еще и еще. Они готовы топтать не
таких, неправильных. Но уже нет их, все истоптано. Толь-
ко груды мертвецов. Они достигли всего, что хотели. Эта
огромная масса одинаковых людей так сплотилась, что вы-
толкнула меня как инородный элемент из себя, а я стал взле-
тать, это так страшно.

Я взлетал все выше и выше, а полчища становились все
однороднее и однороднее. И вот смотрю издали: это боль-
шой ком земли, как после засухи, а рядом еще несколько, все
они поделили мир. И как после длительной засухи вдруг идет
дождь, так и здесь начинает капать вода. И начали рыхлеть
эти кома и разваливаться кусками. А куски превращаться в
жижу. Они утекали, собираясь в густые лужи. И снова я стал
приближаться к этим лужам, сошедшим с комьев. Все ближе
и ближе. Снова вижу людей. И они уже не одинаковые, раз-
ные. И кто куда. Вижу большущие дома, и в них светящиеся
точки. Каждая точка – это камера для нескольких людей.

Я приблизился вплотную и оказался в этом скоплении.
Они жили очень плотно друг к другу. Но бились друг с дру-

гом. Какое разительное отличие от того бесконечного строя воинственных, сплоченных одним умом людей. Такая плотность, кучность людей в одном месте объяснялась тем, что каждый из них пытался взлезть повыше с помощью рядом стоящего. Из-за этого проявлялось неопишное количество ненависти. Я шел по этому месту и, все время удивлялся. Все здесь поражаало величиим, но величие это создали те, кто маршировал. И держит их в системе еще та сплывающая сила, как ось. А так бы разбежались давно. Прошлое величие силы дает им возможности. Любая гениальная идея ловилась и сразу же эксплуатировалась в основном на благо единиц и для угнетения основной массы. Множество возможностей дают лавину информации, в этой лавине тонет нужное, как здоровая пища в море сластей становится пресной для потребителя.

Я обнаружил, что мне интересно на себя взглянуть: кто я? какой я? И там, в блестящих витринах, я увидел себя. Мне неприятно было видеть это, хотя раньше я и не знал, кто я и что из себя представляю, мне было совершенно неинтересно. Именно сейчас это стало очень важно. Зрелище удручающее. Совершенно дикий вид, животный взгляд, неопрятная внешность. Все эти люди вокруг были сильные, друг против друга. Они выработали мышцы. Всегда сопротивляясь, они могли при этом производить уникальное впечатление. Они привыкли, научились жить в мире агрессии, и мне стало интересно, как это все работает, по каким законам. Ведь этот

мир возник от силы, мне непонятной, он как неизвестный зверь.

Я изучал все надписи на домах. Потому что там были только дома, всюду дома. Света здесь как будто больше, чем в лесу, но он такой серый, что хотелось лесной тьмы. Хоть взгляды и похожи на хищников из леса, но опасность тут гораздо более изошренная. Здесь срочно нужно вырабатывать хитрость, нужно уметь плести сложные схемы поведения, чтобы не сгинуть. Мне как будто стала на долю нравиться эта серость, это бесстрастность в цветах.

Капал дождь, уличные светильники заменяли звезды. В темное время суток ночь и день разделялись на тьму и свет, но, по сути, их не было. Так же, как не было настоящих эмоций, в этом мире все было условно. Дымили трубы, стояли надменные и высокие дома, и было холодно. У каждого места есть назначение, нет пустых мест, все эти дома напоминали те бесцветные безжизненные формы из видения. Они как те одинаковые солдаты, строй в строй, лицо к лицу, как остаточная сдерживающая сила для разнородной толпы. Сдавливающая грудь тоска, от которой хотелось перестать чувствовать, превратиться в воду и растечься лужей, пропитаться в землю и уйти поглубже. Тоска и одиночество так пропитали здесь все. Интересно и невыносимо одновременно.

Начали посещать самые печальные мысли. Бездна надеждность появилась незаметно и теперь не хотела уходить. Все эти чувства постепенно усиливались, и я уже хотел выйти, но выхо-

да не было. За домами стояли дома, а за ними еще и еще, я шел, потом бежал, но пейзаж не менялся. В конце концов дома кончились. Дальше непонятные виды.

Обессилел и замерз. Мой путь был неведом, мои цели смутились, и небо повисло так низко. Легкий туман, невероятно темная пасмурность. Все бесцельно, все бессмысленно. Каждое движение вызывало жуть от того, что я это делаю бессмысленно. Нужен был смысл, хоть какой-то, как капля воды в жажду. Ни единой души. Вой сердца – все, что слышалось. Какие-то редкие деревья. Капли дождя на лице, мокрые ноги, однообразие.

Вдалеке, среди редких крон появилось что-то выдающееся – серый геометрический камень, как в огромных домах людей. Длинное здание с высоким потолком, с редкими опорами. Полумрак, а под крышей почти совсем тьма. Зашел туда. Осколки стекла, обломки стен, ступить негде. Прошелся дальше: холод, холод, холод. В углу очертания чего-то. Темный силуэт. Недвижимый. Решил, что неживое, прошел. Вышел. Среди обугленных облаков – проблеск. Но временный и скромный, как я. Впереди сад, яблоки, такие спелые, мокрые, мягкие. Очень вкусно ел под деревом и мерз, что дальше? Смотрел на траву под ногами, тревожимую каплями. Смотрел вдаль безучастно. Холод. Собрал силы в пьяной надежде. Шел, утопая в грязи ногами. Утопил силу там. Найти не отчаивался. Шел, шел, не найдя сил, все равно шел и ступил на твердую почву без дождя. Радовался, капли пере-

стали течь. Понял, что сильный. Поверил снова, что я есть. Один шаг был счастливым, а второй провалился в ручье. Весь мокрый стал. Переплыл на другой берег. А там поле. И коричневый туман. И вдалеке, очень далеко далеко я разглядел острие света на горизонте. Такое тонкое, что любой мастер заточки позавидовал бы. И поле не чистое: то заколючки виднеются, то фигурки. И какие-то даже движутся, приближаться стал.

Слева от меня был ряд высоких и стройных деревьев. Прямо столбы зеленые. А внизу – кустами поросшие. За ними еще поле, а дальше еще поле. И что дальше, какие миры – жуть представить. Кусты поредели, а за ними коровы черного, смоляного цвета, ростом как два меня. Лежат, как будто загорают. Я подумал, что сейчас они поднимутся и побегут на меня, и ускорил шаг, но они и не шелохнулись. Из-за тумана все как будто плыло, как на дне реки. Я очень медленно приближался к фигурам. Маленькое деревянное здание. Ближе – женщина маленького роста с впалыми глазами. Набирает воду в ведро из железной колонки. Рядом еще одна женщина, пожилая, дородная, большая, с ребенком на руках, укутанным донельзя. Они о чем-то невнятно говорят. Я тоже пытался заговорить, но как только я это делал, я перемещался в ребенка на руках, и он начинал что-то еще более невнятно бормотать на непонятном языке, даже для них. Потом я и вовсе оказался этим маленьким на руках. А моего тела не стало. Я чувствовал, что меня прижимают и заботятся, но

холод одиночества был неизменен. Объятия были теплыми, но холодными для сердца. Я пытался вырваться, мне не давали, но я упорно двигался. И вот я выпал и побежал. Меня долго преследовал женский вопль, а я убежал.

Долго шел, а потом, как ребенок, уснул и почувствовал любовь и тепло женской груди на спине. Убаюкивание и такие сладкие песни. Засыпая, видел грозди винограда, шатающиеся на ветру, думал, что это духи пришли забрать меня в мир мечты. Но утихомирился, уснул. Ночью меня украли волки, и я опять оказался один среди ночи в сыром объятии. Мама, где ты? Небо и светлая луна дали мне ласку. Очень ярко для бурной тьмы. Что я говорил и делал? Половина из этого для меня была непонятна. Собой я не владел и младенческими своими ступнями шагал неуверенно. И все шел и прислушивался, нет ли женских шагов сзади. А вот оклик имени своего слышал, как его... Забыл, да только не обернулся. Я не знал его ценности. Боялся подвоха. А он замолк навсегда.

И тут удар по спине – хороший удар. Опрокинулся. «Ой, извините, мы обознались», – прошли мимо трое вежливых незнакомцев. Один подал мне руку: «Дайте я вам помогу». На нем была шляпа, и он, как я понял, четвертый был и не принадлежал к той компании. Он ярко улыбался и обещал сладости. Я шел за ним. Но потерял. Какие-то серые стены, закоулки. И вот большое здание с хорошим освещением, всюду лед и мороженые туши. Я не знал этого, я был мал. За-

пах очень запомнился – никакой. Никакие запахи, да и цвета той комнаты. Потрясающие. Масса впечатлений. Только у туш глаза закрыты. Жаль, что они не видели. Но ведь за конфетами надо бежать. Где тот провожатый? Я добрал до какой-то двери, а там праздник. Все веселые. Кубки наполнены. «Ой, это же ты там упал? Это не мы. Не мы. Мы тут ни при чем. Проходи, раздели нашу радость, у нас сегодня день событий». Стол усыпан пробирками больше, чем яствами. Но я задыхался. Там было задымлено, но тогда я еще не знал, что можно позвать пожарных. Так что я даже не отведал главного блюда.

Я укрылся в пустом здании рядом. Тусклый свет фонарей, освещавших пустые дороги. Чувствительная лужа, то и дело разводящая панику от капель с крыши. И веселые пляски из окна напротив. Запах жирной жареной пищи, запах поддельных цветов, фруктов, дыма. Я прошел по комнате. А там лаз в подпол. Отблески фонарей помогли различить убранство и дизайн помещения. Опустился на пол, там были какие-то мягкие и грязные круги и палки, пыль и сырость. Скромно смотрел в одну точку и начал взрослеть. И отношение к главному блюду на пиру и к конфетам поменялось.

Разбудил резкий звук. Там, снаружи.

– Выходи, на хуй, – услышал я.

Руки в дрожь. Перед входом стоял мужчина. С напитком в руке и в опрятной одежде. Я вышел узнать, в чем дело. Он был очень смел.

– Позови ее, кого спросил я. Там она, я знаю. Зови, или я, на хуй, сейчас все разнесу.

Я ушел – как бы звать ее. И действительно: в углу лежала женщина, беспорядочно и мирно спавшая. Там, на пиру, они переругались, и она пришла сюда. Не нашли общий язык, разборки продолжились, а мое подполье осталось моим.

– И как же ты тут живешь? – зашел ко мне тот человек в шляпе. – Насколько здесь неуютно? Надеюсь, достаточно? Подрос ты, юноша. В конфликты не вступаешь. Стараешься быть над этим, а что же ты притворяешься?! – кричал он. – Добрый?! Устремленный повыше?! Нет доброты, юноша, ты должен быть сильным, без высоких дум. А сможешь крови выпить, если ничего нет?

Так задавал вопросы, которые смущали. Да с такой страстью, что слюна изо рта брызгала в лицо. Постепенно его голос перешел в рык. Я открыл глаза. Да я уснул! Я сидел в подполье. А слюна брызгала у меня. И рычал я. Так, что стены содрогались.

Тусклый свет фонарей, мрачные лица без цели, кроме как себе урвать побольше. И улыбаться поправдивее. А веселье в том, чтобы выделиться из толпы. А еще лучше – превзойти.

– Слышь, уебок! Съебись, на хуй.

На крыше, на самом верху. Он бежал и оступился. Я его схватил, но он выскользнул. По тротуару кого-то тащат. Белая пыль столбом. Он брыкается, но слаб. Обосранный кафель. Захожу в свой подвал, потом выхожу, захожу, выхожу,

захожу, выхожу. Места себе не нахожу. Скитания вокруг да около.

Я в подполье своем, а наверху в комнате гости у женщины, такие же любители пиров. Дым. Обсуждения, как меня потеснить. Пепел в мой подпол. На миг видение – улыбка блестящая интеллигента в шляпе. Попытка обращения к тому, чего не знаю. К чему-то над этим. Просить помощи не хочу. Что сказать – не знаю. Что там, где рассвет? Надежда. А потом мысль: «Глупость».

– Выходи, на хуй, блядь! – пришел все тот же джентльмен опять.

Мой выход. Между пальцев переносица. Кровь из глаз. Хруст пальцев. Указательный, средний, безымянный, мизинец. До большого дело не дошло. Кровь как калина на вкус.

– Урод, блядь! – высказывание со стороны. Дама переживала за джентльмена.

Далеко ушел. Переживал. Длинные безжизненные заборы из серого камня. Каждый камень на дорогах помню. Я есть. Я хочу. Я чувствую. Но для чего я? Куда мне идти? Я ничтожество.

Я остановился в полуразрушенном здании, там еще были люди. Женщина в пальто лежала упершись головой в стену. Показывала в окно, говорила. А за окном обезлюдели строения. Все светло, всюду здания. Но мертво. Идти вдоль улиц? А если кого встретишь? Какие-то невнятные просьбы, высказывания, пустыня во взгляде, отчаяние такое, что

миришься с ним. С бессмысленностью происходящего. Все наполнено созданием рук человеческих, но пусто, все здания пусты. Отдельные единицы ходят и не видят себе место. Главная цель – наслаждения, но как наслаждаться, не знают.

Я слышу писк и иду на него. Писк усиливается. Вот он – какой-то зверек. Шерстка. Он боится, лапки поджаты. Схватил его, как единственный оплот тепла, утонул. А он лапы свои грязные провел по моему лицу. Я его обнял как смог. Пришел к месту, где ночевал в подвале, наблюдая за праздником в доме напротив. Я знал, что мой кот уже болен. Я его положил на тряпки, чтобы согреть, а сам уснул. Пока я спал, женщина, ночующая иногда там, прячась от своего беспокойного мужчины, прогнала моего кота. Он создавал много неудобств. От этого его болезнь усилилась. Выбежал на холод. Когда я его нашел, он погиб, погиб как кот. Он стал диким и водным и поплыл по реке. Я наблюдал за ним, я дарил тепло, несмотря ни на что, но холод был уже в его нутре. Мы пошли с ним от этих руин бесплодия. Он был уже болен, и я не имею надежды и тепла. Прошел дождь, его капли было видно в свете фонаря ночи. Я почувствовал спиной его холодные покалывания. Мой кот провел лапой мне по лицу, как поцелуй, по-своему, по-звериному.

Мы дошли до развалин. А за ними – пляж залива. Множество костров, множество людей в одинаковых одеждах. Что это было, я в отчаянии особенно и не интересовался. Происходил некий ритуал, движения были синхронны, ритмичны.

Все люди поделены на группы, сведенные в кругах. В центре каждого круга костер. По ритму круг людей то сходилась, то раздвигался. Шаг ритма разделен на ритм звуков. На хоровом «па-а-а-а» круги сходились. На хоровом «ута-а-ас-с-с-с-с-с» круг раздвигался. Шаг назад, шаг вперед и монотонный звук. Искры костров взмывали вверх. Участники мистерии казались безликими, играющими свои роли куклами.

Был центральный костер среди всех этих кругов, большой. От него я почувствовал страх, то был конский зрачок. Черный, всепоглощающий, абсолютный. И вдруг все круги стали распадаться и формироваться вокруг этого центрального костра. И через время они уже стояли не в круге, а как бы в эллипсе, направленном в центральный костер. В ушах очерчивают пространство звуки «па-а-а-а», сужающие, и «ута-а-а-ас-с-с-с-с-с», разводящие. И вот я вижу, что нет моего кота. В растерянности. Мой единственный оплот любви. Больше ничего не осталось у меня. Смотрю, его несут на руках к главному кругу. Мой кот. Старый и больной. Мой любовный. И его подносит монах в черной одежде к костру. Другой монах его берет, и в свете костра я вижу, что это не мой кот. Я ошибся. Но там ребенок. А из костра смотрит большой конский черный глаз. И ритм звуков «па-а-а-а», «ута-а-ас-с-с-с-с» стал гулом, который замедлил все, что происходило. Люди в черных рясах вынесли мальчика в центр мессы, костер пускал искры в черноту небес к звездам, которым я задавал вопросы, а они молчали. Мальчика принес-

ли к центральному костру. Один из мессы вышел с большой дубиной и с размаху ударил в затылок ребенка. Взгляд мальчика потупился. Руки опустились. Из рта побежал ручеек крови. Тело пренебрежительно кинули в костер, отчего он вспыхнул облаком искр, осветивших все вокруг. Молчание, отчаяние.

Я упал на землю и заплакал, мои слезы не знали границ. Все продолжалось. Песок из-поддвигающихся в ритм ног летел мне в лицо. Никто не обращал на меня внимания, но в какой-то момент один из участников службы подошел ко мне и дунул в засыпанные песком глаза. Глаза провалились в глазницы, через голову, грудь, живот и, выйдя через отверстие, потекли по воздуху. Я стал самым отчаянием без тела. Кричал, но не было крика, так как не было рта для него. Но рот у лежащего тела открывался, еще подчиняясь моим чувствам. Он открывался и приподнимался, хватая капли начинающегося дождя.

Потом я вновь обрел власть над своими движениями. Надо бежать, но куда прийти мне теперь? Где бы я забылся? Зная такую тяжесть, как обрести покой? Даже осознание себя приносит мне боль от того, что я существую. А ведь кто-то сейчас так же страдает в мирах. Я хочу закрыть глаза и отдать свое существование всем им. Я прошу отдать меня как плату в искупление всем плачущим. И вот передо мной тот, кто назвался Трижды Величайшим, он смыкает мне рот. И показывает знак пальцами: слишком мала плата. Не боль-

шими шагами создается великое, но маленькими и многими. Иди по своему пути.

Я стер грязь с глаз и открыл их. Все было темно. Догорающие кострища и никого нет. Я встал, не зная, куда направить шаг. Вышел на пустырь. Мой путь потерял смысл. Под ногами земля. Я целую землю и ее запах. Возьмите меня, возьмите меня, самые родные, заберите. И вот луч. Темный горизонт и луч. Это не луч, это яркая звезда. Бежит навстречу ребенок – тот самый, которого убили, как такое может быть?! Бежит мне навстречу и разводит руками, смеется. Незнакомый, но мне он рад, да кто же ты? Ты – это я! Я, только такой маленький. Он шлепнулся в мои объятия и утонул... Долгая тишина, счастливый шок. Потерялся и взлетел, как безумный ветер, ураганом.

Обретаю я себя, летаю в небе я. Летаю в небе я. Летаю в небе я. Новых горизонтов безмерная линия, принимай меня.

Глава 4

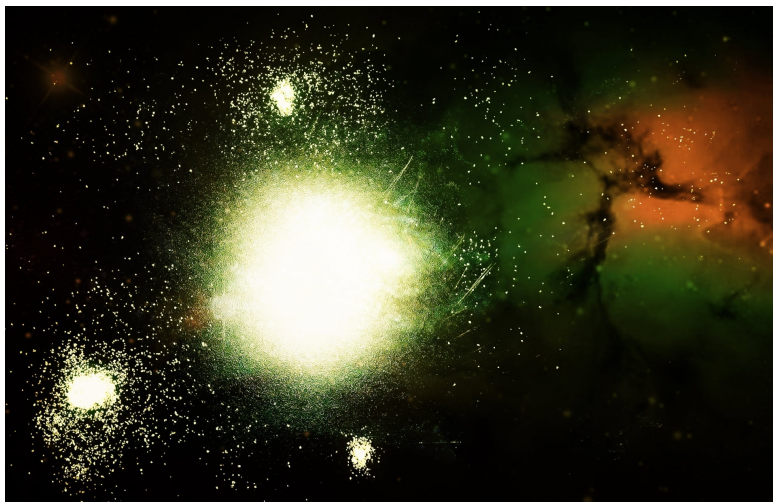
Я иду среди серых прямоугольников. В отличие от той военной массы людей, здесь были своевольные эго. Зачаточные проявления индивидуальности. В очень зачаточном состоянии. Некоторые из них разрезали сплошную аморфную массу своей агрессией особенности. В этом мире зачатки индивидуальности изливались через эго, которое должно обладать определенной агрессией, чтобы проявлять себя тут. Порой они отличались возмутительным себялюбием. Эго провозглашало себя. Выделиться могли только мощные эго. И

в некоторых, кто понимал больше, были уже и зачатки творчества. Время – как полный энергии ребенок с пластилином, который никогда не задерживается в одной форме. Все изменяется, деформируется и перерождается. Тут все чаще проявляются эти личины. Эгоистические и со своей идеей. Они как таран. Тяжелый, деревянный, но он пробивает аморфность. Дамбу болота, через которую может поступить свежая холодная вода. Но это были мои предположения. Я не знал, к чему это все в итоге приведет. Мир этот странен и непредсказуем. Агрессия в этом мире всегда нарастающая. Агрессия передавалась по наследству. И кто больше скопит агрессии, тот большего удостаивается. Но кроме агрессии нужно иметь хитрость и силу применять их в нужных комбинациях. Это есть смысл этого мира. Потому, как я понял, история каждого мира идет к своему, может быть, неосознаваемому населяющими его идеалу. Этот мир искал сильнейшего эгоиста. Какой он? Физически сильнейший! Психически? Интеллектуально? Или, может быть, есть иной сценарий? Этого я не знаю.

На этой мысли время остановилось, и я начал расти. Все больше и больше. Сначала дома казались большими, потом с меня ростом, потом маленькие, потом размером с мои пальцы, потом с песчинку. Потом я увидел, что все это стоит на огромном шаре. Шар этот тоже стал уменьшаться, пока не стал светящейся точкой. Так я понял, что такое звезды. Это миры. Как же я был рад этому прозрению! Ведь я чувство-

вал, звезды – это не просто огоньки во тьме. Я стал необъятным, и казалось, я мог дотронуться до любой звезды. Одним махом изменить узор неба. Но я просто наблюдал. Дальше я перестал увеличиваться. Я понял, что такое пространство. Пришло время узнать, что такое время. Потому что звезды пошли вспять – туда, откуда они плыли. Начали разжиматься, некоторые рассыпались в светящиеся облака. Радуга собиралась в луч. И вот вдалеке я вижу фигуру среди тьмы и звездной пыли.

Он стоял на бездне, сыпал песок. Вот на этом месте будет звезд платок.

– Еще ничего не создано. И меня ты не разглядишь в недописанной картине, – сказал он.

Он назвался Трижды Величайшим. Он излучал бесстрашие. Но был открыт. И я понял, что могу спросить у него.

– Куда делся тот ком земли, что я видел? Он исчез навсегда?

– Нет, – ответил он. Ничто никуда не исчезает. Сейчас ты как раз на этапе создания их плеяды, – и он указал на темно-багровые скопления. – Там будет невероятный душевный холод, будет красивейшая багровая туча. Дальше за ней разводы новых миров, которые суть перерождения первых. И так четыре предела.

Он брал от каждого облака, рассеивал надо мной, и меня обуревали разные настроения, противоречащие друг другу миропонимания. Потом брал части одних и смешивал с другими. И рождались миры абсолютно непредсказуемые. Брал вновь порожденные миры и, в разных комбинациях смешивая, создавал опять новые. И так до бесконечности.

– Ты видел воду, размывающую глыбы. Так вот, это всего лишь самая распространенная комбинация творчества моего. А я есть творчество более высокого. Но в данном случае комы были размыты для того, чтобы сплавить их в один. Но это безрезультатно. Ком уже отсырел.

Как сложно все. И тут я понял, что никогда не найду края вселенной, потому что его нет. Я спросил:

– Я видел случайность, это происходит как череда случай-

ностей?

– Столкновения миров происходят в определенном месте, там создается последовательный упорядоченный узор из нитей разного происхождения, и за счет этого осуществляется рост духов, которые туда приходят. Там сталкиваются миры неистово. И духи проходят на пределе своих сил, но за счет этого растут. Или погибают. Там решается их судьба. Это игра, в которой кидается окончательный жребий. Восхождение происходит по типу кладки пирамиды. Ты есть множество внизу и есть единое вверху. Низ – это место разногласий и противоречий. Когда противоречия объединяются, они не прекращают существования, но прекращают быть противниками. Они удивительным образом расширили свои границы. Над ними становится третий кирпичик, объединяющий взгляды двух нижних. И так происходит со всем множеством. Этот новый кирпичик обнаруживает на своем уровне такие же новые мировоззрения и понимания, но уже на более высоком уровне. Начинает вмещать эти новые грани в себя. Либо не принимать и останавливаться в восхождении. И все это происходит на пределе сил. И так происходит почти бесконечно до полной структуризации пирамиды.

Он продолжал мне объяснять, но мы перенеслись на понятную поверхность. Силуэт его обрел ясность, но лица по-прежнему не было. Вместо него был провал. Почувствовал трансформацию в себе. Из меня стали исторгаться все мои малые «Я». Хотения, требования к жизни, страсти, состоя-

ния разного времени, настроения, убеждения, характеры. А я опустошался. И лицо мое стало провалом. Мы перенеслись туда, где происходят столкновения миров. Какие удивительные сказочные миры они в итоге создадут. Какие противоположности тут сходятся, переплетаются. И чтобы создать узор, они проходят через хаос. Они так чужды друг другу, что отталкиваются поначалу, а потом идет долгий процесс взаимодействия, и процесс этот жестокий. В нем отсеиваются духи слабые и неспособные к расширению. В узор вплетаются те, кто расширяет свои грани.

Вижу неисчислимое количество душ, одетых в тела. Вырванных из своей обители, где они пребывали в покое, и брошенных в эту кипящую пучину. Как дети, брошенные на произвол, не понимают, где они. А тут не спи, а тут действуй! И он без лица уже не тот, с кем я общался, а тот, кого называют Безбрежный. Он поднимает руки с открытыми ладонями в знак искренности. Говорит каждому из них:

– А теперь, несмотря ни на что, улыбнись мне, и я покажу тебе блеск правды, я покажу тебе свою зарю. Игнорируй меня и стань трофеем повелителя смерти.

И тут затрубили громогласные трубы. Долина полна людей в одинаковых одеждах оранжевого цвета. Все они были едины. Гул труб пронзал пространство и мой позвоночник. Трубы были двух видов: рычащие и гудящие. Человек без лица пустился в пляс. Его удары ногами разносились по всему поднебесью, и ритм танца забирал сознание.

Я знал, что у моего желания есть основа, что я получу желаемое. Я обычная лесная тень, но я обрету когда-нибудь всю полноту формы, свой путь и свою силу. Я так этого хочу, что вижу, как мои кисти покидают меня, мои руки растягиваются, устремляясь к нему. Всмотриваясь в пустоту его лица, я вдруг увидел свое лицо. Я рассмотрел его. Потом я сам переместился, и уже я танцевал там и сам бил ритм, бил в бубен, услаждался и танцевал на собственном себе, том несчастном и безобразном, на том, который потерял путь и свою зарю. Не желающий и убитый печалью.

А на горизонте появился еще один персонаж этой картины, восседающий на слоне, за ним вереница слуг, желающих прислуживать. Я продолжал вращаться и отбивать ногами, а тот, кто на слоне, достает большое зеркало и подносит его ко мне, и я вижу себя. Насколько я многообразен. И вижу там существо адское, в темноте замурованное, а еще вижу, что я устремленный и борющийся, я танцующий и блистающий. И я протягивающий руки к себе же и просящий для себя. Я – объяввший все, и руки у меня как плети оплели всю вселенную, и всю ее я могу потрогать и дотянуться до каждого прекрасного. И я же молящийся, такой простой и восхищающийся величием всего сущего. Я сидел на корточках и тянул руки вверх в надежде, великом прощении и великом восхищении. И на этом отражении я остановился. И именно это отражение оказалось моей настоящей реальностью. Что было миражом, а что явью? И мираж оказался явью. И так

я захотел туда, в это место великих столкновений, как в холодную, а потом в кипящую воду окунуться и выпрыгнуть новым, другим. И вот я оборачиваюсь к духам, попавшим в этот сценарий, и я уже среди них...

Жадно глотаю воздух в холодную грудь, такая суматоха. Надо глядеть в оба, а я растерялся. И не знаю куда, не знаю как. И кажется, погиб, все. Промедленье – смерть. Смотрю вверх и... Вот он! Во-о-от он! Заветный рассвет, вот он! И вижу взгляды, теплые, живые, интересные и приветливые. А рядом? Нет, вверху. А так трудно подниматься, просто невыносимо. Кто-то за ноги хватается, и каждый как может. Были те, кто держался за ноги других, были те, кто подчиняли себе других, и они его носили сотнями своих плеч. Стало жутковато. Но более прискорбно было смотреть на духов, не сумевших воспользоваться данными им возможностями. Они самотеком, как предметы безжизненные, падали, как камни в пропасть. Кого-то понесли чувства, и он потерялся. Кого-то увлекли придуманные идеалы, недоступные, ради которых надо закрыть глаза и уши. И закрыв себя в такую капсулу, отяжелел, погрузился в пучину небытия. И женские фигуры, мелькающие в вышине, все вылавливали падающих, кто за что мог, как умирающий хватается взглядом за каждый образ, пока что видимый.

Так эти матери спасали каждого сына или дочь. А была она одна, просто размножилась, чтобы каждому руку протянуть, чтобы каждого тонущего хоть за рукав, но вытянуть.

А Безбрежный непреклонен, он беспощаден. И от стена-ния закладывает уши. Кто страдал и отчаялся, но имел хоть долю надежды, тянул руку, и его могли ухватить. Только тот, кто смотрел вверх с вопросом, а не тот, кто смотрел вниз, желая раздавать ответы, имел шансы ухватиться за руку по-мощи. Дух и сам протягивал руку другим. Разные голоса и возгласы. Кто-то в самом низу взывал к верху: «Дай мне тво-его блеска». Там, наверху действительно все соблазнительно прекрасно, и снизу взывающие взывали именно к этой со-блазнительной сияющей жизни. А в ответ получали: «Блеск – всего лишь скопление сфер. Таких же, из которых состо-ишь и ты». И голос снизу утихал, не зная, что ответить. Не зная, что же он на самом деле хочет. Кто-то в отчаянии кричит кому-то: «Прости меня, прости меня, прости, только прости меня!» А вдалеке слышен отголосок: «Ты давно про-щен». Но ответ теряется среди шума. И вина остается тяже-лым камнем висеть на виновном.

Сверху милосердная яркая звезда. Она вольготно и не спеша спускается. Но она так высоко в мире, в котором зако-ны формального мира логики не действуют. Ее форма рас-плывается, глаза, тело, рот в наслаждении своем в разные стороны. Форма тут только условность. Никогда не понять этот мир личинам из мира строгой логики. Она обращается вниз, в бездну, к тому, который виной своей умирает и тонет в пучине. «Живи», – произносит яркая. «Очнись», – говорит светлая. И в груди его рассветает, и он теряет тяжесть своих

ОКОВ.

Очень много духов просто падает, неисчислимо. Медленно, особенно те, кто не чувствуют на себе всей остроты бытия. Падение происходит нежно и без рывков. А внизу рты разинутые, полные зубов, голодные и тупые. Вот падает человек, потерявший все. Надежду, радость, честь и идеалы. Он уже готов на все, он жалок и презираем, и снизу слышит он: «Да кто ты такой?! Да кто тебе поможет?!» А сверху мать в золотом сиянии, красивая царица, забыв свои регалии, проливая слезы, кричит: «Вытяни рукав, ты слишком далеко! Вытяни рукав, падающий, мне нужно тебя вытянуть». А внизу ужасное зрелище, страшно вспомнить, жутко было видеть. Снизу где-то услышал фразу: «Умирает тот, кто хочет». Там внизу все кроваво. Куски тел, глаза, органы. Я зажмурился.

И снова я выхожу из этого театра событий и оказываюсь перед Безбрежным, и он меня переносит в беспочвенное пространство над звездами, превратившись в того, который назывался Трижды Величайшим, ибо это его ответственность – творить и смешивать. И вот он льет воду из сосуда, которая расплывается, и напоминает ту жижу, что осталась от земляного кома, когда его растопила вода, и она стала замерзать.

– Вода тоже может быть твердой, как и сухая земля, – сказал он. —

Но это все же вода.

Я стал уменьшаться, и ледяные кристаллы все ближе и ближе. И вот все же это не кристаллы, а живые существа, город. И уже я смотрю не просто на множество. Там идет постоянный процесс структуризации. Но он фрагментарный. Ибо суть ее – хищничество. И структурируется она за счет желания превосходства. То есть в основе ее эго, и потому очень хрупка и уязвима. В отличие от структуры земляной, где твердеет масса за счет одного разума на всех.

– У каждой из стихий таких масок в этом театре бесчисленно, – прозвучали его слова в моих ушах эхом.

Глава 5

Я стоял на улице. Вокруг темно, и только окна презрительно смотрели сверху на меня, показывая свой внутренний уют и богатство, выказывая свое превосходство. Неизвестно как, но я добрал до так называемой железной дороги. Две железные змеи, освещенные тусклыми фонарями, уходящие в неизвестность. Призрачные голоса, раздающиеся эхом вокруг и редкие гудки издали. Съедающее оледенелое одиночество так же эхом проходило сквозь самые чувствительные места сердца. Но я был в тишине, в темном, холодном, но безмолвном. Такая радость и блаженство от обыкновенной тишины.

Я шел вдоль дороги. Начал замечать красоту вокруг. Деревья в темноте, свирели сверчков в траве. Луговой ночной сырой запах. Откуда он исходит? Как, например, этот типичный запах среди больших домов города, там тысячи кухонь

в каждой из квартир. И кухни публичных мест. Кто создаст запах луговой? Если это тоже кухни, то, скорее всего, это кухни улиток. Луг – это город улиток.

Вдруг я перестал ощущать собственный вес, ноги стали легкие, а фонари с дороги опустились, грудь невольно расширилась от трепета и испуга. Большая доза влажного воздуха ударила в голову. И тут же я стал резко опускаться, от неуверенности. Снова взял себя в руки и снова поднялся, малейший страх – и я падал. Да что же это такое! И я воспарил над огнями в ночи. Заветного рассвета давно уже не видели мои глаза. Поэтому решил просто лететь вдоль дороги. Может, она приведет меня к чему-то новому. Мысль о том, что я могу двигаться, что я свободен, захватывала.

Я вновь иду к своему рассвету, существует он или нет. Полет мой неровный, с резкими рывками и провалами, все время риск втaranиться во что-нибудь. Но ветер, бьющий в лицо, заставлял плакать от счастья, и из меня перла дерзость, иногда сменявшаяся мимолетным неверием. И тут фонари стали отдаляться и сиять ярче. Потом они перемешались беспорядочно. В глазах помутнело, как от пелены, а потом пелена так же быстро спала, и я увидел, что сияют звезды. А под ними сияние из-за гор. То же сияние, не ярче, но и не тусклее. Все то же в моей степи, откуда я так резко испарился в мир больших домов. И тот же я из будущего. Вновь появившийся и рассказывающий мне о рассвете и отвечающий на мой вопрос. Как будто ничего не произошло,

как будто я еще тот.

– Там, где ты впервые увидел заветный рассвет, был мрак. Но этот рассвет у тебя внутри. Он есть в каждом. И даже при самой плотной тьме он светит. Только надо его разглядеть. И если ты его замечаешь, то он ведет тебя и все больше захватывает твое внимание. Он называется Уран Маас. Уран – это небо, а Маас – это что-то между зовом-призывом и самым совершенным сиянием, наипрекраснейшей иризацией драгоценного камня. Но сейчас ты уже вышел и к настоящему рассвету, он уже не так далеко.

И снова он стал резко перемещаться, перетекать куда-то – и исчез.

Кто я? Что со мной происходит? Что все это вокруг значит? Куда я иду? Имеют ли мои желания смысл? Как упорядочить себя? Вопросы возникали в голове, не переставая, как пузыри в бурной воде, наслаиваясь друг на друга, превращаясь в бурную пену. Но главного вопроса я так и не задал себе. Ибо я даже не в силах его до конца оформить. Осознать. Но он есть, он настолько прочно сидит во мне, что я не сомневаюсь. Было ужасно интересно переступить горизонт, найти новые миры, и, может быть, из них сложится вся картина.

Я продолжил свой путь и готов был пройти хоть тысячи пустынь. Вокруг в траве начал замечать оживление, всюду что-то двигалось, перешептывалось, как будто сплетничало. Духи, оживившее пространство. Шагал и оглядывался, во

мне почему-то закипело озорство причудливое, игра заблестела в моих глазах. Я чувствовал себя среди своих. Я корчил шутливые оскалы, рычал дико «р-р-р-р-р» и смеялся. И вдруг я посмотрел на свою руку и заметил невиданное. Мое тело начало кристаллизоваться. Я смотрел, как мои руки окаменевают полупрозрачным серым или беловатым минералом, чуть трескаясь внутри и застывая кубическими кристаллами. Так все мое тело стало остро-угловатым. Движения стиснулись, а в позвоночнике – неопишуемая пульсация, которая заставляла цепенеть от наслаждения. Так я наполнился невообразимым. При этом контакт с внешним – любой, взглядом, прикосновением и так далее – приносил новое оцепенение счастьем. Я смотрел на все ровно, я так проживал каждый миг, что время почти не двигалось. Каждая трава, личина или камень – все общалось со мной, все мне что-то хотело рассказать, причем не словами, а насыщенной тишиной. Все жило и хотело переполнить собой. И каждая история необъятно интересна. И в каждую деталь рассказа хочется углубиться. И как же вместить их все. И пространство расширяется. Каждый миг был целой жизнью. И в этой каждой жизни тысячи грез. И от этого расширяется время.

Прошло неизвестно сколько времени, и я шел, желая выслушать всех и увидеть все. А движения становились все скованнее. Тогда я увидел реку с мерцающими переливами и попросил ее забрать мои минералы. Я начал трясти их над рекой, они, поблескивая, падали в воды и превращались в ис-

корки и уплывали вдаль. А на другом берегу – резкий подъем в гору, а на теле горы четыре символа. Самый большой из них – по центру, изображение сосредоточенного лица с несколькими острыми прямоугольниками под ним. Я поднимался, я не сдавался, просто хотел идти. Дышал глубоко и жаждал знать, что там. И сердце стучало, и вот край горных вершин.

Сияние рассвета тут заискрило новыми красками. Передо мной распахнулась долина, освещаемая новым светом. Не прямым, но уже видным, а не манящем вдалеке, скромным, но таким блестящим и таинственным. А вверху сияла большая и очень яркая бриллиантовая звезда. Рассвет вспыхивал иногда, как языки костра. Вокруг звезды был ареол, который ухаживал за ней, и кланялся ей, и трепетал, как и я. Время замедлилось, движения стали тягучими. Все было голубо-зеленых оттенков в сине-зеленой дымке среди округлых холмов. Тянущие свои тонкие, как волосы, в гладь воды ветви, такие обворожительные, такие изящные деревья. Они создавали впечатление хрупких и нежных существ, не знающих печали и страха. Они молчали и только трогали воду.

В стороне стояла фигура, довольно большая, только очертания, голубоватого оттенка. Как набросок какой-то, и только верхняя часть. Он пересекся со мной взглядом, что для меня было как удар молнии. Перед глазами вспыхнули картинки, как страницы с иллюстрациями, которые пролистнулись разом множество, которые, как я понял, относились к моему пути жизни. Он пальцем указал на звезду. От него был лишь силуэт, только линии, но каждое его с виду легкое действие как будто создавало резонанс вокруг. Как волны на воде от мощного толчка. И тихим, но твердым голосом он сказал:

– Это утренняя звезда. Возьми ее образ, запомни его. В самую темную ночь иди за ней, ничего не боясь. Она есть твоя воля к жизни.

И очертания его превратились в голубую ленту, которую

ветер увлек в таинственную даль.

В долине тишина. Потрясающая тишина. Подошел к берегу. С глаз как будто слезла старая шкура. Все пестрит. И даже в темноте поодаль я чувствую цвета. Я мог любоваться прожилками листьев перед собой. Но дальше в рощах уже темно. Я стремился в эту неизведанную тишь среди повисающих нитей с острыми лепестками. Ушел от берега в рощу этих дивных прекрасноволосых. На миг появившийся таинственный рассвет скрылся опять за горами. Это диковинное дерево, как благородная женщина, которая одним своим образом молчаливо захватывает волю, просто одним своим существованием. Она восхищает, только один взор на нее покоряет. Она скромная и величественная.

Шел среди деревьев, которые достаточно далеко были друг от друга, чтобы называть это лесом. И среди них не было практически ничего, черная почва. А дальше озера. Их много, как облаков среди редких зарослей. Дальше все больше. И вот я уже хожу по проходам среди озер, пробираясь под кронами, окунающими свои зеленые водопады в зеркала голубой воды. Тишина, от которой звенит в ушах. Абсолютно ничего не происходит. Даже белые кляксы облаков еле шевелятся. И вот что интересно: пребывая в каждом из миров, я считал, что он абсолютен. Все, нет ничего, кроме этой тишины и медленных белых метаморфоз над головой. Но это лишь иллюзия абсолютности, которая увлекает, заставляя забыть всю полноту.

Понял, что я очень устал. Я как будто преодолел тысячу горных вершин и увидел первый проблеск надежды. И позволил себе упасть. Тонкие желтые ветки-волосы всю ночь ласкали мое лицо, а потом шептали: «Просыпайся и будь тверд».

Этот прекрасный синеватый туман. Потом вышел на местность без ничего. Только озера и тьма впереди. Я посмотрел вверх: что там? Посмотрел вперед: что там? Посмотрел по сторонам: что там? Я посмотрел назад: а что же там со мной было? Тот рассвет был моим воображением. Но есть мир, в котором присутствуют все пути. Где я могу выбрать. Мир, прожив в котором, я научусь отличать выдумку от реальности.

Все-таки я не был там. Тот центр схождения стихий всего лишь показал мне свою аллегорию. Как же они выглядят? Эти хитросплетения миров, каких чудовищ или райские наслаждения они рождают, соприкасаясь? Какие же бури там гремят?

Я шел, вдыхая туман, и слышал вдалеке говор. Все ближе. И все отчетливее речь. И вот стоит шатер, горит костер. Он освещает двух собеседников, сидящих с разных сторон костра. Один великан, здоровый, с огромной головой сидящий рядом с шатром, украшенным золотыми орнаментами, над которым нависали ветви цветущего дерева. Его собеседник меньше его, но все равно внушительный и сильный. Великан говорил о конях с гривой, покрытой инеем. Рассказывал, как

эти кони выносят месяц на небосвод. Разговор был явно не из простых. А месяц в высоте небес гордо и надменно командовал, как звездный пастух, как вечный, но сменяемый король со своими придворными... Великан продолжал рассказывать, как эти кони движут его по звездным прериям. И про коней с сияющей гривой, которые выносят светило. И так мне понравились их речи, меня как будто они отравили сладким ядом. В бесконечном степном пространстве, разбавленном голубыми водными пятнами. Только этот костер и эти два великана рассуждают об изначальном. Как все зародилось и как существует. И как все пройдет. Говорили о времени. Великан рассказывал, как оно сжимается и разжимается, как оно в изначальном тонких градациях материи податливо и является таким же пространством, в котором можно перемещаться. Но чтобы стихии могли проявлять творчество свое, многое было ограничено, ибо нельзя творить там, где уже все есть.

Сел рядом, они высказывались по очереди. Тема переместилась за мир грубых форм. Я врезался в разговор и рассказал о том, что видел и как смешиваются стихии там, на планете людей. В их глазах был азарт. Это было соревнование. Соревнование, в котором великан уже установил победителя. Они зацепились за тему, которую я предложил. Великан сказал:

– Все формальности грубой материи суть проявления более мощной тонкой. И в формальном своем проявлении пол-

ный образ ее теряется настолько, что остается почти что только одна форма. Она красива и создает удивительные по красоте пейзажи, виды, цвета и настроения. Но это почти ничего от их первоисточника. Стихии рождаются первыми. Размножаясь по нескольким уровням грубости, а также выражая себя законами на всех этих уровнях, они делят свои территории в объеме сущего по четырем направлениям. Они разделяют и отрезки времени на сферы влияния: в это время этот главный, в другое время – следующий. И с течением времени делят духов-личин, населяющих любой мир. Каждый кусок вселенной, независимо от того, кому он принадлежит, частично имеет периодичность влияния всех стихий, показывая всю свою полифонию. Оставаясь доминирующей на своей территории или в своем отрезке времени на какой-то территории, она частично поддается влиянию всех остальных трех сил мозаично. Делясь на крупные периоды, малые и микроскопические. Образуя комбинации в пространственном и временном направлении. Таким образом, вселенная есть гладь неповторимых миров и образов с бесконечными неповторимыми периодами своего существования. На уровне макромира, глобальном, местном и микроскопическом. Каждый такой синтез стихий становится полным и уникальным. Как смесь цветов. Смешаем желтый и синий – получим зеленый, смешаем красный и синий – получим фиолетовый. Если стихия не сталкивается с другой, она погружается в себя, все ее лики начинают вариться

в собственном соку и входят в анабиоз. И все это многообразие при этом делится пополам по всем уровням и направлениям. Внутри себя в каждом сегменте, и каждый сегмент в свою очередь тоже. В каждой мозаичной ячейке синтезов, в каждом мире, образе и личине. Делится на тьму и свет, на мужское и женское, на активное и пассивное и так далее. Так же взаимодействия всего во всем делятся на вертикально направленные и горизонтально направленные. Вертикально направленные исходят из принципа «превзойти». В каждом состоянии личина видит низ и верх. Низ есть абсолют, который она избегает. Верх есть абсолют, к которому она стремится. И делит окружающих по принципу, кто ниже и кто выше. Горизонтально направленные взаимодействия ни к чему не стремятся. Действие ради действия. Такие личины всегда со всеми в одном социальном статусе. Но делятся на левых и правых. Мы на земной вариантности миров. На нашей ступени синтез стихий не такой острый, как на земле. Более легок. Здесь они обособлены и мало пересекаются. Варятся в себе. Хотя мы все же на земле, ибо каждая живая и даже неживая планета есть инвариантность по вибрациям своим. Она пускает свои подобия как вниз, в мертвую тьму, так и вверх, в одухотворенную жизнь, в которой земной сюжет событий выражается так, как это описывают народы в своих самых красивых мифах и сказках. Они все есть одна планета, но и все же это разные ее интерпретации. Планета Земля в ее полноте – это есть середина и сосредото-

чение самого большого множества из самого низа и самого верха. Существа живут в одной из градаций, настроившись на волну, их тела не воспринимают другие параллели. Какую комбинацию ты бы хотел увидеть? – спросил он.

Я рассказал, что прошел через туманную долину, где меня ласкали тонкорукие деревья. Стало интересно увидеть туман.

– То есть воздух, наполненный водой? – спросил великан.

Красота есть наслаждение истинное, и, как воздух, она уносит вверх в неизведанное. И если ее утяжелить водой, она останется такой же пластичной, но опустится. Не унесет тебя в прострацию. В человеческом мире этот союз создает экстравагантных, всегда интересных творческих личностей. Но на уровне духов это проявляется совсем иначе. На разных сферах стихии проявляют разные свои действия. Это как, допустим, вода. Есть вода, которая наполняет организмы в плотном мире. А есть вода, создающая реку. Есть вода – облака, есть лед. Если ты пойдешь вон в ту сторону, ты увидишь духов воздуха, которые напитаны стихией воды, – сказал великан.

Дальше великан молчал и слушал своего собеседника. И под его громогласную речь и тепло костра я опять провалился в дремоту. Запахи цветущих деревьев, сырая земля. Дым уходил в бесконечность небес, и моя осознанность пропадала с ним. Последнее, что я запомнил: нечто среди ветвей, со-

стоящее из двух кругов – туловища и головы. Двух глаз, черного носа и ушей. Эдакий неповоротливый здоровяк. Стоял, выглядывая из-за ветвей и листьев. Смешной. Он перевел взгляд на меня, и я забылся.

Очнулся, когда костер уже просто дымил без огня. И обезглавленное тело великана у шатра. Головы не было. Спор проигран. «Спор ли?» – улыбнулся я. Прикоснулся к телу мудрейшего. Вокруг стало опять светло. Пошел туда, куда великан показал, среди пестроты белых и сиреневых крон. Вышел к ручью. А на том берегу стоит груша. Та самая, такая благородная. Как она тут оказалась?! Понять не мог. Но это она. Такая статная, нежно кидающая белые лепестки на землю. Не требует ничего. Просто есть, просто восхищает.

И тогда вспомнил о ней, о той, которую за руку держал. Так трепетно снова захотел схватить ее. «Где она?» – спросил я. И сам себе ответил: «Твой абсолют и есть и ты, и она. Вы неразлучны». Ответ был не от меня, но через меня. Смотрел на грушу, а видел этот абсолют в нас. Двупольный, но полный и единый. И вот этот абсолют в более низких градациях разделяется надвое. Изначально решив породить себя, абсолют может родить только свои крайности. Но если восходить назад в достижении абсолюта, то при приближении к той развилке, где совершенство должно быть поделено, они соединяются. Эти мысли пришли ко мне. А от кого, я не знаю.

Через ручей я посмотрел на грушу и пошел дальше. Тучи сгущались, впереди гремело. Горизонт затмили тучи. Падали редкие, но крупные капли. Дальше деревья были не такие яркие. Бурные зеленую или просто голые ветви. За ними – чем дальше, тем темнее. Переходя позади полноводный, но здесь уже истончившийся ручей, чуть не споткнулся об огромную лягушку. Она сидела неподвижно, ни на минуточку не опасаясь ничего, как будто ей все должны. Темнота тучи надвигалась, а заросли становились все выше. И ноги идут по воде, а не по земле. Впереди промозглый туман. Капли тарабанят, разводя водные круги среди трав. В пальцах немного промерз. Но в груди такой интерес. Такой вызов. Что же там дальше? Травы все выше, воды все больше.

Начался высокий камыш. В два раза выше меня. И вро-

де как дождь прошел. А среди камыша коридоры вытоптанные. Как лабиринты. Найти выход нелегко. В продолжениях ходов, в извилинах и поворотах не проглядеть, темно. Пахнет сырой землей и илом. Среди камышей кто-то есть. Кто-то шныряет. Как-то не по себе и боязно. Здесь недружелюбная атмосфера. Нет добрых взглядов. Я не чувствую их. Небо зеленое, изумрудное, томное, тяжелое. Уставшее лить дождь, но еще полное воды. Нет выхода из ходов. Легкая паника. Начинаю прибавлять шаг. Потом мотаюсь. Бросаюсь через камыш. Море камыша. Куда идти? Потерял тропы. Начал утопать ногами. И вот опять тропа. Фух. Иду. Коридор, поворот. «А-а-а-г-х-х!» – ревушим кашлем оглушило меня. Отлетел назад, видя перед собой чудо в полутьме с большим ртом и свисающим языком. Упал, а оно раззявило рот и с шутливым видом издевательски старается допугать, мыча. Потом шмыгнуло в сырую гущу. Поднялся и поторопил в другую сторону. Впереди шорох, притаился. Тропу пересекло существо с телом собаки, но с длинной шеей и мордой, совсем ни на кого не похожей. Вскочил – и бегом. О! Мелькнул просвет. Выхожу. Передо мной пятна озер. А среди них – моря камыша. А за ними еще моря, и так до горизонта. А там среди этого моря в сырости жизнь кипит. Их не видно, но я чувствую. Смотрят на меня из зарослей. Резко почувствовал кого-то рядом. Пристальный взгляд на себе. Но откуда?

Диковато, настойчиво навязчивый острый взгляд. Неприятно. Не понимаю. Кручусь. Не по себе от того, что неизвест-

ность. Это не взгляд тупого пожирателя хищника. Тут что-то другое, неизвестное мне. Этот взгляд опасный. Но чем? И от этого еще более жутко. Я присел как можно ниже. Проглядел, что стоит большое дерево с тонкими, как волосы, ветвями, опушившее их в воду, как девушка, моющая волосы. Среди ветвей две птицы с большими клювами. Одна пристально смотрела на меня своими черными зрачками. И от ее взгляда бегали по спине мурашки. Большие песочные глаза с маленькими острыми зрачками, как острия пик, были направлены на меня. Ушел в другую сторону. Тут не было страха смерти, не было посягательства на тебя, здесь хищничество было в силе эго-образов и в их недоброжелательности. Они не желали сожрать, но было жутковато. Добрел до другого водного зеркала. Притаился, любовался. Все оттенки зеленого собрались тут.

На другом берегу зарослей лес камышовый зашевелился. Из их темноты появился грациозный и изящный. Клыки. Хищные, большие, с вертикальными зрачками глаза. Восхитительный. В ушах стучало от волнения. Он своими медленными движениями наакался воды, поднимая клюв к небу, и прыгнул, брызгами разбив отражения на чистой глади. Приятность его процедур буквально озарила все вокруг, он вытягивал голову и задирал ее к небу, по которому пролетала стая белых птиц в неизвестную даль. Он высовывал язык и как будто лизал небо. Потом вылез и тихо растворился в гуще сырой.

Я долго сидел, наслаждаясь в одной позе, боясь пошевелиться. Смотрел на одинокий росток камыша, торчащий из воды, а рябь воды разбивала об него волны. Я представлял, как он растет, и потом я увидел, что он действительно растет. Он начал быстро расти. Достигнув высоты, начал высыхать. Рядом с ним с той же скоростью росли новые, заполняя постепенно собой пруд, и так же, достигая вершины, начинали увядать и чахнуть. Вода постепенно отступала от прежнего берега. И вот уже нет воды, и вот уже нет камыша, так активно завоевавшего воду, и растет степная трава, и цветы распускаются и вянут, распускаются и вянут. Все быстрее и быстрее. Постепенно эти колыхающиеся лепестки становились бабочками, которые в огромном количестве поднимались в воздух и кружили вокруг меня. Заполнив собою все, стали улетать и рассеиваться, оставив мне голую каменистую почву. Ни одного зеленого островка. И я вижу, что это земля круглая и безжизненная. Пустая, но пространство гудит. Все готово. Все ждут, вот-вот.

Появляются первые формы. Неясные и неотчетливые. Как черновик художника. Потом резкая смена картины – и из этих неясных происходят новые, более четкие и понятные. И даже очевидные организмы. Которые готовы защищаться и нападать. Кусаться и бодать. И опять смена картины. И все другое. Ох, а где чудовища опасные? А где шипы и клыки? А уже не звери, а существа, интересующиеся, изучающие окружающий их мир. Они всматриваются, прислушива-

ются, принимают. А ведь все всегда начинается с самого обычного, с поиска пищи или укрытия, а переходит в поиски новых путей и новых смыслов. И история оборвалась. А что же дальше?

На чистом белом фоне проявились четыре символа. Двенадцать стрелок, направленных в центр, – первый символ. Дальше стрелки, и в центре точка. Следом точка, но стрелки направлены вовне. Последний – стрелки, направленные вовне, без точки. «Что это значит?!» – крикнул я в белую пустоту. И вот я вижу себя рожденным. Я вступил в игру. Мое тело беспомощно и почти бессознательно, оно развивается и растет от самого маленького комочка. Затем я превращаюсь в юношу, который смотрит на себя в зеркало, он осознает себя как центр своей вселенной, он хочет гордиться, он выделяется из толпы, он борется и наслаждается. А вот этот парень становится мужчиной. Он видит не только себя. Влияет на окружающее, наводит порядок. Он понимает, что от него многое зависит. Он знает, что может улучшить этот мир. И со временем этот мужчина состарился. И уже почти не живет собой. Он отдает. Передает опыт. Он наблюдает, подсказывает, помогает и любит. «Вот что это значит», – сказал мне белый безграничный фон.

Я в третий раз после встречи с человеком без лица и речей великана ощутил, что происходящее вокруг, все миры и образы не есть случайные спонтанные явления. И все это необъяснимое, бессвязное и противоречащее друг дру-

гу суть организация, части единого огромного замысла. Это есть громадная система, которая просто не вмещается пока что в меня. А может, никогда и не вместится.

Глава 6

Все это привиделось мне, пока я, засмотревшись на росток камыша из воды, дремал. Открыв глаза, я понял, что падаю в воду. Резкая прохлада окатила меня. И все размышления, догадки, умозаключения поплыли в воде. Голова пустая, небо прояснилось и стало голубоватым, и в эту голубоватую бездну я смотрю без предубеждений. Я пустой и радостный. Плыл неизвестно куда. Нырнул – а там столько рыбы! Места пустого нет. Течение стало бурным и выбросило меня на просторный берег. Стемнело. Вдалеке слышу странные напевы. Начал приближаться: что там? Смотрю, а впереди нить натянута между двух деревьев. И стоит позади нее тот, кто называется Трижды Величайшим. Причем видел я его верхнюю часть над нитью. Под нитью пейзаж продолжается, как будто там никого нет. А на нити сидят птицы. Разноцветные, простые, с большими и скромными хвостами. Смотрели по сторонам и очень странно пели: то как незнакомые мне музыкальные инструменты, то человеческим голосом, то насвистывали, то журчали как вода. Я подошел близко и просунул голову над нитью, чтобы увидеть его. Он сказал:

– Ты хочешь заглянуть в мир бурь? А если больше никогда не хочешь видеть страданий, останься тут, тебя ждут краси-

вейшие миры.

– Хочу увидеть все грани бытия, – сказал я.

В одно мгновение птицы перестали петь, разом вспорхнули в воздух и разлетелись. Натянутая нить, как струна, выстрелила мне по подбородку, начала вибрировать и вращаться, наматывая мой подбородок, потом голову и все тело. Я, как жидкость, закрутился в вихре. Этот вихрь затем превратился в пыль. Огромное, бесконечное количество пыли, вращающейся вокруг оси. Все кружилось с огромной силой. Но в этом была некая гармония. Разводя воображаемые руки, я танцевал вместе с пылью, на миг ощутив себя безбрежным. А внутри начиналась борьба. Множество частиц – это окончательно огрубевшая материя. Ее окончательный этап. Когда все этапы закончены, энергия находит себе новое применение. И теперь это борьба. Материя, не имевшая цели, теперь воевала. Материя победившая хватала менее сильных, поедала их либо подчиняла. Вот я вижу время, вижу его цикличность... Все поделено. И вот сила борьбы поутихла, заменяясь организацией. Она ограничена. Как эмоциональный юношеский порыв. Все упорядочивается и неминуемо организуется. И уничтожается, только чтобы родить новое. А энтропия ведь только внешний атрибут. И так за один миг для меня прошло непредставимое количество эпох, пока не появился сгусток материала той самой, которой предназначено быть местом бурь.

Она уплотняется. Этот процесс длится долго. Превра-

щается в шар. Еще очень горячий для жизни. очень рано. Идет подготовка. На ней происходят взрывы. Кипящая жижа разлетается брызгами. Это длится утомительное количество времени. И после долгих мучений на ней появляется поверхность. Двух видов: твердая и жидкая. Долгое время они просто были. Влюблялись друг в друга. А жидкая и податливая колыхалась об твердь миллионами лет. А твердь с грубыми скалами стоял неприступно. Но именно твердь не выдержал и кончил в нежную и мягкую. Как и предполагалось, именно нежность и слабость стали двигателем. В этой нежности роем зародились существа, такие же нежные, не имеющие твердых основ, как их мать.

Первые признаки отца стали проявляться не только в агрессии, но и в грубости форм. Борьба передалась по наследству. С этого момента они стали тянуться к отцу. Отец принял их, но после принятия порядков его дома. И дети приняли его. На земле появилась энергия жизни, и она была дана в руки. И это была энергия эго. Это энергия локальная, своя и для себя. Она не структурирована. Она направлена на себя, а значит, против всего. Существа принимали самые ужасающие формы. И чем ужасающе, тем больше шансов выжить и дать потомство. Это длилось меньше, чем эпоха извержений безумной материи, но тоже утомительно долго. Борьба тел идет и идет. И среди них появляются существа, которые начинают выдумывать способы превзойти не только телами, но и с помощью материалов, окружающих их. В этом

их победа – в эволюции силы. Их тела стали не так ужасны. Вся агрессия их перешла в подручные материалы. А тела их вернули себе отчасти материнскую нежность. Их ужасающим оружием стал твердый материал отца. Здесь началась эпоха эволюции интеллекта. Но это всего лишь ступень в эволюции силы. Кто изловчится использовать хитрее и наглее окружающие материалы, чтобы уничтожить как можно больше вокруг таких же, как он? Чтобы стать сильнее и потенциальнее? Чтобы наплодить больше потомков?

Чем ближе к качеству, тем меньше количества. Это относится как к материи, так и ко времени. Время сжимается, чувствуя сгущение качества. И этапы эволюции ускорились со сгущением качества интеллекта. Количество мышц в телах стало меньше, а методы войны все хитрее. Они совершенствуют орудия убийства с разной степенью успеха. И те, кто не поспел, отправляются в прошлое земли. И вот я оказываюсь уже на земле в качестве наблюдателя жизни людской. Пока что мне дали только взглянуть, но не участвовать. Но я окунусь с головой. Обязательно я здесь буду.

Сейчас я вижу, как это изменилось. Все начинается с самого малого. Как медленно и болезненно растет каждый бугорок, каждое пятнышко в мире. Оно выстрадано, оно выношено, оно сотворено, оно приложило немало сил. Каждое проявление создано колоссальными усилиями. Я начал догадываться, что борьба эта неслучайна, я начал понимать, к каким колоссальным изменениям она должна привести. Каж-

дая песчинка создавалась усилиями, каждое великое – тем более. С наслаждением хозяин выпивает бокал вина вечером только после тяжелого труда в своем хозяйстве, зная, что он преодолел это.

И вот я захожу в воду великой реки и окунаюсь с головой. Я готов принять все. «Я готов принять все», – это самые труднопроизносимые слова. Я не знаю, в какой я эпохе, иду вдоль зарослей смородины, прошел дождь, пахнет сыростью. По листьям капли спрыгивают. Прохладно и сыро, это время прекрасного одиночества. Вдыхаю запах сырой земли, старых деревьев. Я захожу в гущу камышей, находя там вечность и дикость. И вот уже горит костер, и вот я уже снова не один – со мной сидят те, кто разжигал эти костры тут много сотен лет. Кто был хозяином тут. Скифы разжигали со мной костры и веселились. Я в степи один, но не один. Среди людей всегда были имевшие огонь. Именно такие представляли индивидуальность своего народа. Оставлявшие потомкам особенность и идентичность своей общности и того места, в котором они живут. Среди общего веселья я посмотрел играющему на струнах певцу в глаза. Потому что он смотрел на меня. Для других я невидим. В голове мысль: я знаю, о чем он поет. Про цветущее дерево, про нежную руку и голубые глаза в кудрях. Это же про нее! Он смотрел на меня и ласкал слух струнами. Куда мне идти? Куда? Как ее увидеть? А он пел следующую песню про одну из жриц на юге. В храме, который стоит на острове. Я начал спрашивать:

– Почему ты поешь про нее? Для меня? Это она?

А он пел:

– Я воспеваю ее за дар предсказаний и знахарства.

И перестал смотреть на меня. Разочаровался. Внушил себе мысли желанные, создаю иллюзии для себя в голове. Кто-то из веселящихся в дорогих одеждах и явно высокого сана подошел к певцу и поблагодарил, дотронувшись до него. Певец не видел глазами.

– Она сейчас воплощенная здесь, на этой земле. Она на острове Кефтиу, – сказал певец.

Он видел меня! Он знал, что я среди них! Она здесь. Так хорошо. Взглянуть на нее хоть и не быть увиденным. Только из-за нее уже я хотел бы сейчас воплотиться здесь.

Веселье степняков затихло. Я почувствовал вокруг некую ограниченность. Как будто я потяжелел. Движения давались труднее. Я понял. Так разгорячившись, стал грубеть. У меня не было тела. Но я стал его чувствовать.

Утром вошло солнце. Красно-белый шар показал свой край из-за горизонта. Певец сидел, подставив лицо теплу, и шептал, как будто рассказывая себе самому незрячему, что происходит:

– Блистающий солнце бежит вверх к облакам. Волосы свои теплые, путая, не хочет расчесать! Сколько в тебе силы, сколько мощи! А он спешит. Хочет теплом своим, святом своим луга обнять. Хочет каждое живое обогреть. Всех, кому жизнь подарил. Каждое облако кудрями заденет. Да возь-

ми ж ты гребень, расчешись! Крикнуть бы ему вслед, да кто ж ему указ. А он бешеный, ярый. И каждый перед ним расцветает. Нет равных.

И каждая травинка отражала его луч, каждая пылинка. И я видел этот рассвет земной, отражение иного, глубинного. И это мое потрясение...

Кто видел, как птицы перелетные взмывают высоко и летят навстречу солнцу, кто вдохновлялся, смотря на них? Так же и мое сердце поднялось высоко и уже отправилось в путь. Так я хотел увидеть любимую. Как фиал священный держа в руках, я понес мечту свою, не оглядываясь.

Все уже были собраны и двинуться в поход готовы. Пути наши совпали на время. Спутник мой. Слепой сказитель говорил:

– Смелые, гордые, идут они праздновать и вино пить в страну, называемую Мидией. К Киаксару на пир, подлое задумал он. Отпразднуют они там свою кончину. Но нет другого хода у царя. Был бы я им, поступил бы так же.

Как хищники люди, хоть и разум имеют. И долго еще хребты свое тертые не жалея, будут кинжалы свои в плоть окунать. И за справедливость и за простых людей восставать будут, и за бога. Но пустое это. Переступить через замкнутую цепь нашей эпохи – это не победить кого-либо, это есть естественная смена сознания мирового. Человек осознает свою причастность ко всему человечеству, такое общество должно появиться в конце концов, стать движущей си-

лой, вытеснить таким образом зверей из себя, которые против нового сознания станут бессильны. Общество-то гораздо мощнее, когда оно не тратит свои силы на производство замков для своих дверей. Самый простой пример: в этом мире появляется множество идеологий, которые придуманы для того, чтобы сделать мир лучше. Но нынешнему человеку свойственно впадать в крайности. Поэтому, появляясь и реализуясь, идеология сразу создает свою противоположность. А сама становится тираном для себя. Именно она ее создает, потому что крайность формирует крайность. И все их попытки воевать рождает только хаос. Война теней. В конце концов, как итог, родится их синтез. Но на это нужно время. Также война народов, наций. Вражда, месть, ненависть – это все характеристики эго. Нации, народы, культуры – это все творчество стихий мировых. Они суть одно, но они разные переливы граней мира. Взаимодействие народов рождает только красоту и величие. Все остальное- взаимодействие материалов.

Новая эпоха человека есть объединение. И произойдет оно не властью одного центра над всем, а изменением каждого сознания, составляющего новое тело общества. Ведь любому ясно, когда проходя этапы эволюции один примитивный вид становится более совершенным по сравнению с предыдущим, меняется не только его часть, меняется каждая клетка, вплоть до структуры мельчайших составляющих. И этот новый организм уже не может даже скрещиваться с

исходным. Наступит время, когда станет вопрос выживания для тех, кто живет только для себя. Для победителей и побежденных. Вне всей игры и этого выживания останутся те, кто узнает друг друга издали, по взгляду или слову, кто прост и добр ко всему. Они будут слабее всех хищников, но этот воюющий мир уже не касается их.

Есть три вида войны, и только одна ведет к прогрессу сознания. Великая война с отжившим. Борьба осознанного равноправия с полулюдьми-полузверьми. Второй вид войны – война идеологий, третий – война ради войны. Она идет за материальные ресурсы, богатство и личные интересы, но играет она роль сеялки в материальном мире и оставляет для истории сильные тела. Интеллект – это сложное поведение. Каждый раз существа, развивающиеся в поведении, становятся непредсказуемы. И следующий шаг – это сложность, которая непонятна будет человеку разумному, в своих стенах живущему. Это состояние жизни со всеми. Существование не в себе, а во всех, на это способна только яркая индивидуальность духа, в противоположность скудному духу, который стремится обособиться, нагрести для себя жира. Эй, человек, ты не потный кусок мяса, всасывающий в себя питательные вещества извне и высирающий отходы. Ты одна из маленьких граней, составляющая переливы вселенной. Постарайся как можно ярче осветить этот мир! В этом театре, блистай актер.

Отжившие миры не сдают позиции. Понятие организации

осознанного человечества растет постепенно. Но только это приспособилось к одной организации, дух привносит новые энергии для объединения – и это начинает сопротивляться. Ложное объединение происходит в крепеже диктатуры и тирании. Но это искусственное давление, и чем оно выше, тем громче взрыв в конце. Человечество должно меняться в сознании своем. Каждый должен развиваться и тянуться к изучению этого мира.

Так мы шли с моим попутчиком по траве степной и не видели горизонта. И он рассказывал мне что знал. А я – что видел в мирах, не знакомых ему. А может, и знакомых, но не помнимых им. Ибо земля забирает память.

– Почему люди на земле едят мясо, а ты ешь только растения? – спросил я. Ведь растения тоже живые. Щадя одних живых, поедая других, думаешь, ты делаешь благо?

– Знаешь, есть символ змеи, кусающей себя за хвост. Начало и конец всегда ближе друг другу. Не зря детская непосредственность представляется как неизменная составляющая старческой мудрости. А болезни лечат ядом, гениальность всегда проста. А в жизни чем ты ближе к источнику ее, тем ты ближе к ее венцу. Растения – наиболее ранние и простые формы жизни. Есть еще более ранние, но об этом позже.

На деревьях дивы ночами выглядывали и спокойствие нарушали, как будто предупреждали. Но бравада затмевала весельчакам глаза. А сказитель им пел и не боялся ничего. И

отправился с ними в последний поход. Буду развлекать своих братьев я по дороге. По дороге в облаков покой.

Расставшись, почувствовал скорбь. Я узнал, что такое дружба. И хотел опять увидеть друга. Явления так мимолетны! И как скорбишь по ним. Вспоминаешь в минуты умиротворения и хочешь вернуть. Зачем? Почему приходят эти воспоминания? И возможно ли опять встретить старого друга? Заново почувствовать момент, чтобы насладиться им в полную меру? Когда-то я понял, что никто не пропадает. Но как все устроено? Как упорядочить свои чувства и желания? Как найти близкого человека в этом бесконечном?

Опять одиночество и растерянность. Есть знаки свыше, что все неслучайно, и есть движение. Я не то пустое существо из темноты, я новое, что-то чувствующее. У меня есть что вспоминать и о чем сожалеть. У меня есть вера в некий смысл. В некий.

А может, это то, в чем я уговорил себя, чтобы не потерять надежду, без которой я просто исчезну?

По пути мне встретился мальчик, который видел меня и что-то говорил, показывал пальцем в сторону, и я пошел туда. Пройдя некоторое время, я увидел еще одного юношу, и он так же что-то говорил и показывал в немного другую сторону. Мне стало интересно, и я пошел туда. Через некоторое время пешей ходьбы я увидел взрослого мужчину, одетого как воин, указывающего мне молча назад, в сторону примерно ту, где находился первый встреченный мною мальчик. Тут

я начал раздражаться и, не надеясь что-то найти, пошел к исходной точке своего путешествия, чтобы не потеряться.

Вдалеке виднелось стадо коз, и сидела там немолодая женщина, пастушка с большими грудями, и вокруг нее несколько маленьких козлят, которых она выкармливала своим молоком. Я почувствовал, что она не земная. Она видит меня, и ее не видно для земных.

– Ты выбрал тяжелый путь когда-то, – сказала она, продолжая возиться с козлятами. Ее дряхлая одежда, вся замаранная и местами рваная, не особо прикрывала ее. Я не понимал, кто она, и особо не придавал значения ее словам.

– Ты не увидишь ее, пока не посетишь четыре храма в четырех сторонах света. В обители каждого из владык. Для тебя это непонятно, и понимание этого еще очень далеко от тебя. Но если ты не свалишься с выбранной дороги, ты найдешь не только смысл моих речей сейчас, но нечто большее.

Я плохо представлял, что такое земля. Я боялся не найти остров, названный певцом, а уж найти четыре храма... Последний должен быть храм воздуха. Это та часть света, в которой мы находимся сейчас.

Что говорит эта женщина и зачем мне ее слушать? Но я понял, что вошел отчасти в земную жизнь и потерял глубину чувствования. Подозрения и недоверие – новые чувства во мне, перенятые.

Козленок оторвался от ее груди, и молоко брызнуло ей на одежду. Увидев его, я ощутил, как подозрения мои раство-

рились. Меня обуяло чувствами другими, каким-то бессознательным трепетом. Я страстно возжелал. Она посмотрела на меня и улыбнулась, сказав:

– Человек – еще животное, как и дух его. Но все инстинкты есть буквы отражения более тонких значений.

И когда ее одежда стала превращаться в белоснежную ткань, а лицо начало сиять как солнце, во взгляде ее я увидел величественное милосердие, взгляд великодушной матери на свое чадо. Меня затрясло от трепета осознания великой женственности, теперь меня обуяли чувства дитя к матери.

– Змея, кусающая себя за хвост, – подвела итог она, повергнув меня в пучину темной страсти, и тут же ошарашила другой своей крайностью. Потом показала пальцем направление на юг

– Там материк первого твоего посещения. Потом указала на восток. – Там после долгой суши, потом воды – северный и южный материк, южный твой следующий, а потом северный, и только после, сюда – сказала мне и очень быстро исчезла.

В сумраке я увидел хижину в зарослях и зашел туда. Видны следы жизни. Кто-то жил тут и пропал. Пахнет старостью, сырым деревом. И горелой печкой. Какой-то человек тут жил, а может, и не один. Он пропал. Кто знает как. Как мимолетно видение земной жизни! И ведь большая часть их – это просто люди, живущие для своих детей и семьи, не же-

лающие кого-либо покорять или завоевывать. Нет разницы между северной или южной семьей, восточной или западной. Желания и жизни одни. Жить спокойно и жить счастливо.

Неподалеку от дома стоял дуб. Большой, ветвистый, с высокой кроной. Подошел к нему.

– Как твои дела, достопочтенный? – спросил я.

– Печалью и болью большой заражен я.

Сказал мне он.

– Хулиган из селенья нацарапал на мне несколько слов...

Приходил он сюда под тенью ночи, встречался тут с подругой своей. Но не слова на теле ранят меня. А то, что, ушедши, он не вернулся, а потом пришли толпы и селенье сожгли. Приди, вернись хулиган светлоглазый! рассмеши ее снова под моею листвою. Молчание мне как смрад пожара. А смех людской теперь слаще дождя.

И увидел я улыбающегося. Того, которого я уже видел. Он подошел, и когда его губы растянулись в улыбке, в его зубах я разглядел овалы щиты, а за ними пехоту. Все как на подбор гордые и сильные. И стяги в виде орла с загнутыми крыльями, держащего два солнца в лапах, а третье над головой. И улыбка эта внушала трепет. И он этими зубами «кляцкляц» – и весь мир содрогнулся. И разговаривает он повелительным тоном. И показывает, кому и куда. И дым-копоть и мертвые тела.

А я теперь ребенок. Малое такое дитя, босое. И бегу, и кричу: «Мама-а-а-а-а-а-а». А в ответ тишина. Только дым.

И тяжелым грохотом они шагают и вытаптывают траву пастбищ. Власть эта сильна. Им нет преград. Они уничтожают, не скорбя, они ликут без сожалений.

И вот в одно мгновение все меняется. Под ударом тяжелого и железного орудия зубы сыпятся. И челюсть некогда самовлюбленного правителя зубов жалко перекашивается. А строй ровных рядов разваливается. И виден лик нового героя. И он так же ярко улыбается, а потом оказывается, он тот же. И ровные ряды зубов с уже круглыми щитами блистают и ликуют. В итоге история повторяется. И зубы сыпятся, уступая новым героям. И вот ликующий новый царь. И новый герой. И так же, как и прежний, сыпется и падает, теряя свои лучи.

А я не знаю, куда бежать среди всего хаоса. Зову маму. Вдыхаю дым. И горе, большое горе во мне. И при этом мысль: «Где мама?» Но и эта мысль потом уходит. Все уходит в небытие. Где искать проблеск? Вспоминаю бриллиантовую звезду. И слова: «Это утренняя звезда. Возьми ее образ, запомни его. В самую темную ночь иди за ней, ничего не боясь. Она есть твоя воля к жизни».

И у меня во гневе и слезах начинают расти руки, и я становлюсь большим и сильным. И я начинаю избивать эти зубы блистающие, крушить во злобе. Они падают, а за ними растут во сто крат многочисленные. А я бьюсь и бьюсь, сжимая скулы. А их еще больше. И слышу надменный смех, улыбающийся, как будто пошутил надо мной, а я в безнадеж-

ности смотрю на него. А он на меня. И мерзко скалится. И вдруг его лицо замирает, становится деревянным как маска. И, теряя крепления, маска падает. Но смех его продолжается. А на месте маски пустота. Пустота Безбрежного. И смех все нарастает, внедряется в меня, как сверло. И становится страшным. И все перед глазами смешалось, превратилось в суету. Все действия, образы – все смешалось в одну темную массу, которая стала стеной передо мной. И эта стена начала ритмично шататься. А Безбрежный с пустотой в лице все смеется. И я начинаю замечать, что я смеюсь вместе с ним. И все сильнее. Все задорнее. И слезы из глаз. Почему – не знаю. А потом опять я вижу все то же. Одно дуновение ветра – и картинка пошатнулась. Ветер задышал. И все, что я видел, как пыль упало. А смех от этого все звонче.

Из темноты пытаюсь найти выход, я попадаю на то место, где стоит дуб. Иду в полусумрак по тропинке, вдоль которой стройные высокие деревья. И шаг мой быстрый начинает зависать, как в воду попал. Движения увязли. За деревьями луг, и там две фигуры: лев с пышной гривой и львица. В их глазах я вижу океаны. Лев посмотрел мне в глаза и молча остановил меня. А львица сказала мне, так же не открывая рта:

– Остуди тревогу, опасности нет...

-Как же мне так взять и закрыть глаза на земные страдания на торжествующую силу над разумом, на несправедливость и смерть? Я стал осматриваться: а все ведь в лицах. Из воды в пруду глаза глядят. А в полумраке вдали не коряги виднеются, а позы разных существ. А кроны деревьев не кроны вовсе, а лица и морды. И такое спокойствие ото льва было, несмотря на множество присутствующих и глаз глядящих.

Но я еще не отошел от увиденного до этого. И я все еще не мог вместить эту двойственность Безбрежного. Он создает, он же убивает. Он милостив и одновременно беспощаден.

- Мы часто спим и во сне бредим. Если приснилось тебе

страшное, ты проснешься.

Он сказал мне, не открывая рта. Середина пространства куда я смотрел как бы выпячилась пузырем и как будто захватив меня подтянула и лев с львицей и луг оказались позади. Я хотел повернуться и договорить, а оно снова выяснилось. И фигуры в приближении как будто боясь быть застуканными превращались в то чем они казались изначально, в коряги, камни и кривые ветви деревьев. Только глаза из предусмотрели и отслеживали мои передвижения.

– Почему так много тишины в ответ на мои вопросы. А если и есть ответы то они такие скромные. Как будто оставляющие меня одного, удаляющие меня. Как будто я инородный предмет в своих поисках. А пространство снова мной походило. И стоят яблони с большими красными яблоками и проходя мимо них услышал шорох. В кроне зашевелилось лицо и посмотрев на меня сказало

– а знаешь что самое вкусное яблоко всегда одно на дереве. Если бы такое дерево тут было ты бы не прошел мимо. Я ускорил шаг чтоб уйти подальше, а там в другой кроне такое же лицо.

–Самый яркий луч это не солнце днем а вспышка малой искры во тьме. Если ты хочешь побыть в шкуре человека то найди под ветками самое зеленое яблоко с гнилыми пятнами и вымаж его в грязи и съешь. Сказало лицо. И я так и сделал. И когда я укусил яблоко, я почувствовал земной вкус, тяжесть упала на плечи. Каждый шаг теперь давался как ис-

пытание. Впереди шли люди и все шорохи стихли а кроны на яблонях стали обычными деревьями. Ко мне шли несколько человек с корзинами полными яблок. Маленький старик с длинными усами, который то и дело озирался на меня и казалось хотел быстрее пройти мимо, толстяк неуклюжий. Они прошли мимо а за ними шел еще один. Странно одетый, в прилизанной клетчатой одежде и с круглыми стекляшками на глазах. Он приветливо со мной поздоровался чуть наклонив голову. Я пошел дальше а он окликнул меня.

—Вы путешественник? Спросил он.

— да. Ответил я. Первый раз издав этот звук с такой же тяжестью как и шаги. Язык как будто прилип к низу.

—я смотрю вы еле ноги передвигаете, наверное издалёка идете. Сказал этот со стекляшками.

Вот это даа. Подумал я. Смогу ли я управлять таким телом?.

Тот со стекляшками стоял и ждал от меня какой нибудь фразы а я стоял и разбирался с новым собой.

—ну ладно , до новых встреч. Сказал он и взялся рукой за свою странную шапку на голове.

После отяжеления. Я стал меньше видеть. Вокруг были только кусты и камни, песок и редкие города. Пройдя некоторые горы и потом возвышенности я пришел в песочные долины. Хотел пить и заходя в города не знал как просить желаемое и уходил в жажде. Потом почувствовал голод. Потом пятки стали гореть потому что тряпки разошлись. Я стал

есть ветки сухих кустов. И выпивать из любой лужи. В конце концов я уже не знал сколько я шел и куда. А потом я уже забыл откуда шел. Несколько раз меня пытались ограбить но у меня ничего не было. Меня доставали насекомые, кожа горела на солнце. Зачем я иду? Как я здесь очутился? И кто я вообще?

Поодаль стоит хижина, я ринулся к ней. Я хотел есть. Вышла женщина.

Сынок, мои руки больны. Из последних сил я обрабатываю землю чтоб прокормить сыновей. Однажды я работала в садах, собирая смоковницу, и упала с высоты. Я сломала обе руки, работодатель прогнал меня а руки теперь постоянно болят. Муж мой, мой покровитель не вернулся с войны. Мы бедствуем. Я вынесу тебе совсем немного.

Она пошла за едой а я убежал

На дороге лежала мертвая собака. И я упал к ней и стал выдирать мясо. И тут слова из глубокой памяти : « А СМОЖЕШЬ КРОВИ ВЫПИТЬ ЕСЛИ ПРИДЁТСЯ??!! «... Смог...

То что меня пробудило это горы. Среди однообразного пейзажа величественные незаметно поднялись перед глазами. Воздух плавился от камней и все что видел я впереди расплывалось от пекла. Поэтому горы буквально выплывали из горизонта. Восторгаясь и одновременно изнемогая от жажды, горения кожи, и укусов насекомых я инстинктивно поднял голову вверх и стал вопрошать. Слова сами исходили из меня, и большую часть их я даже не понимал.

—Оба Тала, великий король земли, обрати на меня свой взор!. Прошу тебя. Я шел к тебе, будь милостив.

И вдруг насекомые роящиеся вокруг меня стали разлетаться, а жар кожи отступил. Тело полегчало и я стал вспоминать все что со мной было и куда я шел. В высоте небес появилась пестрая маска с плюмажем из больших ярких перьев и росписями на лице. Оба Тала сказал

– Ты пришел ко мне. Вот эти горы мои храмы. Я подарю тебе свое слово. Услыш. Я даю материалы, я даю основу, я даю толчок. Я первый кто создает мир. Сплоченность это первый шаг который я позволяю сделать. Коллективный разум это безликий хаос подчиненный одному лицу. Мой потенциал – закрепощенный.

Я сказал

– Скажи мне великий король земли, как победить ту силу которая непобедима. Как победить ноги истаптывающие жизнь? Ведь ты создаешь мир материальный а значит и земляные кома из видений моих. Но ты не смерть. Ты создатель. Ты начальный этап ведущий к жизни, и ты мне поможешь.

Оба Тала сказал.

– Ты не поборешь один их. Это как избивать песок и потерять силы. Тьма заполняет пространство там, где нет света. Вот главный секрет. Теперь иди. Я все сказал.

Теперь мне есть о чем думать и я вернулся на север множеством мыслей ускорив время. Когда не о чем думать -время тягучая жижа. Снова стал невидимым для земли , но я стал видеть невидимое.

–Вечный путь, шаг и новый шаг, так необъятна зем-

ля. Необъятна даже насыщенностью происходящего на ней. Прошел степи, потом пустыни, горные цепи, колоссальные каменные пики в молчании указывали прямой путь в беспредельную высоту. Люди, такие разные люди. Как-то застал беседу философов. Они обсуждали политику и динамику устройства общества. Несомненно, вдохновили меня. Интересные речи, мысль. Подумал: всякая цель исчезает при ее достижении. И тут открывается пугающая бездна. Даже у самых глубоких интересных мыслей есть цель. А что дальше? Вот допустим я достиг того к чему шел, воплотил все идеалы мной созданные. Иногда просто не хочется думать об этом. Это нечто за горизонтом.

И вот уже стою на краю Азии, передо мной долина сопок, и одна из них тихо пускает кольца дыма.

«Ветер, ты повсюду летал и сказочную траву ты трепал, ты теперь ко мне лети, я, вдохнув тебя, прочту твои стихи».

Нужно просто дождаться какой-либо лодки, и океан станет для меня дорогой. Однажды на одной из вершин встретил стоянку. Сверкал костер, и сидели несколько человек. Один – очень старый. Присел к ним, услышав их беседы.

– Всякая традиция рождается и умирает, как и все материальное. Как колосок в долине имеет свой расцвет. Она проживает свое рождение, обрастает народным творчеством и после засыхает, оставаясь пустой. Поэтому явление новых традиций и новых культов неизбежно. Они создаются приходом новых гениев. Новых создателей. Они привносят новое,

как толчок для развития. Но с другой стороны, для многих они есть противоречия. Но это в умах ограниченных. Это их повод для войны.

Увидел множество людей, множество культур. Простые лица, желающие просто жить для себя и своей семьи, везде одинаковые, но такие разные в красоте своей культуры, своей стороны, во взгляде на мир, которые составляют многообразный полный мир и очертания. Как прекрасна земля, хоть и не имеет многого из миров других. Когда-нибудь я появлюсь здесь среди одного из прекрасных народов, среди тех,

кто даст новое направление эволюции, и я хочу послать своему телу как можно больше воспоминаний от себя исходного, чтобы не утонуть в мелких вещах, в материальной безликости. И на миг я переместился в будущее и стал человеком. Но я помню все. И моим чувствам как будто триста миллионов лет. И во мне они кипят горячей лавой, извергая меня самого. Я слышу всех существ. Слышу вас, мои родные, лежащие там, на поле холодной степи, порубленные из глубочайшей древности, слышу стоны сильнейших из мужчин, моих прадедов и лежащих рядом их врагов. Оглушительное слышу величие моих отцов. Слышу твою любовь к ней, мой далекий предок, она живет и сейчас в бесконечности вселенной, настолько она мощна. Бесчисленное количество душ, проявлений времени, поколений, уходящих вглубь времени народов, древних чудовищ. Слышу, как песок в пустыне знойным жаром заворачивается в ветер.. Слышу гул громадины времен, которая раздавит все и в конце концов поглотит даже самое великое, чтобы родить нас заново, наши трагедии, наш смех, радость, скитания. Вся моя сущность со всеми ее угловатостями и сложностями расплывается и растекается в безвременье, наблюдая как будто неземной (ведь в это трудно поверить) в угрюмых тенях диких лесов Девона рассвет, которому триста миллионов лет. Я вижу, как первые существа вылезли на берег и среди темноты и воды в песке просто ползают. А до этого миллионы лет тишайшего леса без единого шороха. Просто густой лес, без единого движения,

кроме колыхания крон.

Южный материк Запада дался мне гораздо дороже земли Оба Талы. Пока я шёл. Закончились мысли. А без мыслей время растянулось в разы. Тело опять тяжелело вписываясь в земную юдоль. Память пропадала и миры иные я перестал видеть. А потом снова сомнения и неуверенность. А есть ли эти миры? Ибо я уже забыл то что видел.

И вот сижу я ночью под проливным дождём среди шума воды, и дикого ветра превратившего джунгли в бушующий океан. И снова пытаюсь вспомнить кто я и как сюда попал. Я мокрый, холодно смотрю вниз в землю в темноте ночи. И вроде бы как темно но видны очертание больших листьев-ладоней на земле, и вот виднеется чуть дальше. Я поднимаю голову выше и сердце вдруг так ударило от страха, от неожиданности увидеть здесь кого то. Потому что передо мной сидел человек в маске. На нем был большой венец поперек головы из длинных перьев торчащих в разные стороны, с золотыми щитками. Маска улыбалась большими белыми зубами.

—Кто ты?!, я не знаю тебя!. Выкрикнул я. И начал легчать. Тяжелое тело земное опять отпускало меня.

—Присмотрись лучше. Я те голодные глаза что смотрели на тебя из темного леса. Я опасный зверь. Я нож который может тебя разрезать. Но этот нож может нарезать тебе хлеб. Я настолько же опасен как и незаменим. Я инструмент данный. Я свобода в мире людей данная после великого сплочения под диктатурой идеи или личности.

Во мне стали всплывать воспоминания, откуда я, кто я. И улыбающееся лицо я тоже вспомнил.

И он стал протягивать мне в руке что то. Я смотрел в его руку и не видел ничего. Ладонь слегка затряслась и там заплескалась капля.

–Я эгоооо. Смотрииии. Я свобода данная для эго после сплоченной бесцельности мертвых минералов, я раскрепощаю патенциал.! я жиизнь. . Шептал он.

Я всматривался все больше и стал погружаться в каплю. И увидел Клетку. Живую пульсирующую, микроскопическую. Ладонь теперь тряслась так что капля расплескивалась в стороны.

Когда я поднял голову то я находился на горной вершине и было светло. Полыхал костер а возле меня сидел человек в маске орла. На нам был длинный венец из перьев спускающихся до пола. Он кивком показал мне в свою ладонь. Заглянув туда , увидел ту самую клетку живую но кроме нее еще множество. Наблюдал за одной и Она пускала из себя ростки и эти ростки пронизывали пространство вокруг нее и находили другие такие же клетки и таким образом они создавали единое пространство которое есть разум. Они как бы своим единением стали вместилищем некоего для них сверх существа которое есть взаимосвязь множества. И вот это множество. Уже познает мир вокруг себя, устремляется в неведомое. И пускает свои новые ростки в мир, в более глобальном масштабе. А ведь эта клетка есть тоже союз более микро-

скопических деталей. И общение между такими же разумными-людьми все более усложняется. Приобретает разные грани. И познания усложняются. Ростки все извилистее, и связи все более непредсказуемее и прочнее.

—при мне , патенциал использоваться . Сказал человек передо мной.

– Скажи как победить мрак? Спросил я.

Неважно, с какой силой ты родился на земле. Ты будешь победителем тьмы, если будешь светить. Даже если тебе темно, даже если налегает тяжесть, помни: ты идешь через красоту. Наблюдай красоту, пронеси ее, дари свою теплоту тем, кто нуждается. Надели этим теплом своих потомков, научи их искать, узнавать новое, подскажи, но не навязывай им свои знания – и они преумножат ее. Заполнят ею мир, через множество веков сами станут бесчисленными как песок. Пусть человек с животным нутром канет в небытие, как прошлые увядшие формы приматов с дубинами, чтобы они остались только в виде чучел в музеях. Так ты отодвинешь тьму. Так ты станешь победителем. Пронеси тепло, красоту и мечту как факел через серость ночи. Никуда не уйдет мечта, если ты ее держишь. Как бы тяжело ни было. Закон сохранения энергии актуален везде и всегда. Не бойся смерти, бойся потерять факел. Только не упусти. Мечта вечна. И даже когда рутинка станет поглощать своей тяжестью, даже когда будет казаться, что нет других путей и тьма поглощает все, – вынырни, не захлебнувшись. Теперь иди.

Проходя тропами среди величия гор я вспомнил женщину со сломанными руками. Хотелось бы мне дать каждой душе забывшей про беззаботность по звезде. По яркой искре которая может озарить затмевая тьму. Но как же я бессилен в этом. И скорее всего искра эта должна быть своя.

Я посетил трех владык из четырех своего обязательства я вернулся в Евразию. На то место, откуда начал свой путь. Меня ждал четвертый храм владыки Воздушной стихии, и найти я его мог только через подслушивание разговоров и подглядывание в свитки.

Глава 7

Ночь прошла, виднеются лучи, И все направления указали на храм, который находится на острове Кефтиу. Я уже знал, где она. Я слышал ее. Я уже вдыхал ее. Стоит большой храм из светлого камня. Я захожу. И наблюдаю мистерию. Туда никого не пускают. Пространство пусто. И никакой личности встречавшей меня или какой-то персонализации я не ожидал сейчас. Этой персоны нет. Он растворен. Там тишина. Точнее нет суеты. Полное молчание нарушали только жрицы танцующие непонятно для кого. Для неба в отсутствующем потолке над ними. Их было несколько но только она для меня там была. Огонь чаш блистал на ее теле. Как живой орнамент в воздухе, она извивалась, сменяя одни изгибы другими, изображая пылающие лучи светила. Руки ее встречали зарю и постоянно обращались в сторону восхождения солнца. Взгляд ее не отпускал ее рук и сколь-

зил вместе с ними. Музыка сопровождала их и погружала в транс.

– Божественный отец, – твердили они хором, – я так восхищаюсь тобой и миром, который ты оберегаешь. Подари мне возможность отдавать тепло, как ты. Дай мне силы преобразить все, что меня окружает.

Они все стали воплощениями великой матери, но одна из них была для меня самой матерью. Она стала объектом страсти. Она стала для меня всем женским, и в этот момент я стал всем мужским. Огонь слепил меня, но, наверное, дело не в нем.

«Великолепная, – думал я. – Как же мне дотронуться до тебя, как же мне тебя потревожить, потрясающая?»

Но время моего созерцания окончено. Как мне ее снова увидеть, как найти? Части видимого мира пропадали кусками, но я силой их удерживал, особенно те места, где танцевала моя ведьма. Пазлы новой реальности уже захватывали, а потом та тонкостатная стала удлинять руки, на которых начали распускаться цветы. И зашелестели листья. Глаза ее стали увеличиваться, и я в отчаянии бросился к ней, но бросился в невероятно огромные голубые глаза и начал туда падать. Последнее, что я увидел из той земной реальности, – стену храма и изображение двух полукругов, через которых проходит линия сверху вниз. Ее руки уже стали ветвями, которые держали меня ласково и пахли цветами своими так нежно. Я был в ее глазах, и мне было несказанно хорошо.

Мне было так хорошо, что я не хотел новых изысканий. Я хотел быть с ней в ее цветах, ее глазах.

Очнувшись, я оказался на груше среди дивного сада, в котором переливались красками буйно пахнущие растения. Я слез с груши. Все было полутемно, но так светилось, как отражение чего-то яркого. Впереди была дорога, утоптанная тысячами путников, а вдали силуэт. Кто-то идет. Это же тот певец Скиф – зрячий и ярый муж молодой.

– Как же ты так тут оказался? – я истинно улыбался ему, а он мне.

– Я прошел много после тебя, – отвечал. – Я здесь, как и ты, через тернии.

И шли мы по этим извилистым дорогам, испытывая неимоверное восхищение и просто желание быть здесь. Никуда не стремиться, ни за что не бороться. Холмы крутые, а впереди рассвет – тот самый, загадочный, чуть более светлый, чем когда его увидел в первый раз. Но для меня эта разница была существенной, потому что мне было спокойно. Хоть я и думал о ней. Разговаривали мы обо всем. И все вокруг блистало, и все было пропитано жизнью. Все жило. Нет ничего бессознательного. Даже туман в низинах приветствовал нас. Каждый цветок был незаменимым составляющим всего окружающего настолько, что ты не чувствовал здесь себя хозяином, ты был равноценным соучастником невероятного мира.

Единственное, что гложило меня, это то, что я хотел об-

нять эту ведьму. Эту жрицу. Я уже не думал о постижении, я думал о ней. И если бы она оказалась здесь, мне больше ничего не было бы нужно.

Все было как там, в предыдущих видениях: голубые озера с дивными рыбинами, личины всюду, каждый со своими историями. Все живо, все трепещет, все живое по отношению друг к другу. И величайшее блаженство внутри. Какие-то большие страшноватые фигуры с длинными конечностями в темноте леса виднеются. Но я точно уверен, что они мирны. А надо мной в небесах из облаков – фигура от горизонта до горизонта существа, напоминающего мощного юношу стремящегося, стихия, обличенная в виде человека. А глаза у него ярко-желтого цвета с черными прожилками. Как два глубоких костра, обзирающих поверхность медленно тянется он. Из леса то и дело слышны перепевы. Кого? Не знаю. Звучные, глубокие переключки: «уа-а-а-ау-у-у», «уаи-и-и-и», «ео-о-о-о-о-о-о-о», «ю-о-ое-е-е».

– Почему ты идешь здесь и куда? – спросил я.

– Я иду здесь, потому что я хочу выйти за границы всего и не знаю шире дороги, чем эта. Куда я иду? Я иду вперед.

– Расскажи мне, дивный друг, наверняка ты вспомнил мудрость всех своих жизней, расскажи, как можно больше, – сказал я.

– Дух рождается для счастья и наслаждения. Но появляется среди тьмы и незнания. Знание есть наслаждение. Знание есть жизнь. А путь к знанию лежит через тьму и отсутствие.

И дух воплотившийся в материальное ничего, как слепой осьминог, щупальцами своими в темноте шарит, рисуя представление об окружающем. Мир средний создан соединить две крайности. Этот мир представлен во всех плотностях. Но самый яркий – тот, где материя представлена во всей своей полноте и плотности. Это самый что ни на есть концентрат. Две противоположности, две крайности. Материя и дух – как две разности, они эволюционируют параллельно, но все более переплетаясь. Материя, вплетаясь в дух, становится все более непредсказуемой и нелогичной, потому что в ее мерности появляются такие факторы взаимодействия, как красота и любовь, которые нарушают все понятия логики. А дух вплетаясь ограничивает себя, чтобы проявить себя детально во всех красках. И тут можно наблюдать еще две крайности, как бы крайности с другой стороны. Мир рождается логичным и постепенно переходит в абстракцию. Первые существа только выполняли набор действий для выживания тела. Причем набор очень ограниченный. Появляется человекоподобный примат, имеющий фантазию. Изобретает орудия. Следом появилось минимальное искусство. Но даже тот, кто расписывал пещеры, вряд ли понял бы масштабы творчества через тысячи лет. Странные формы домов, средств передвижения. Ароматы. Творчество не дает преимущества над соседями, но оно неистово вторгается в материальный мир.

От черствой логики до абсолютной абстракции – так происходит динамика существования. Самое благостное, опять

же, – это посередине, где присутствует жизнь творчества, но и материальные удовольствия есть. Под конец жизнь превращается в совершенный сон, сливаясь со вселенной в унисон. На первых порах истории человека разумного он живет среди фантазии и творчества, но все еще подчинен себе. Первые этапы жизни разумной выращивают абсолютного эгоиста. Появляются зачатки морали, но они существуют как рефлекс, и поэтому эгоист все же побеждает, превосходя тех, кто имеет мораль, но все же слеп и, по сути, слаб по отношению к эгоисту. Но если в эпоху человека волосатого, сила рук была доминирующим фактором, то неожиданно доминирующий фактор перестал быть эффективным, и самые продвинутые были истреблены относительно более слабыми. Так и тут, казалось бы, явное преимущество прогрессивных эгоистов тоже окажется не у дел.

– Скажи еще, сладкоречивый, мне нужна пища для размышлений.

Он сказал:

– Все духовное имеет отражение в материальном и по законам материи. Поэтому многие ищущие чудес в плотных законах найдут только логическую закономерность. Чудес не бывает для тех, кто не видит тонкие миры. Да, эволюция происходит всеми физическими этапами и по законам материальным, но эти законы есть отражения законов более тонкого мира. Дух делает заказ материалу, а он придумывает причину и обоснование законам физическим. В итоге все всегда

приходит к красоте. Материя – как тень. Кто изучает тени, найдет законы теней. В этом есть отличие духовного поиска от научного. Даже если человек в научном своем прогрессе без духовного поиска достигнет того, что увидит тонкие миры, он поначалу будет восторгаться и удивляться, потом привыкнет, и дальше ничего не изменится, его жизнь так же будет существовать примерно между столом и туалетом. Но научный поиск неизменно вдохновляет на духовный, если взять правильное направление. Можно представить человека как существо, живущее в двухмерном мире, и он есть пересечение множества линий. И каждая из линий имеет два конца своих противоположностей. Одна линия – это строгая логика поведения и сугубый расчет с противоположным своим концом – абсолютной эмоциональностью; другая линия, два конца которых – это желание жить и патологическая боязнь опасности с одной стороны и абсолютная бесстрашие перед смертью с другой. Еще одна линия, два конца которых – это абсолютная эмпатия и абсолютный эгоизм. Еще одна – поэтический, философский поиск и научный, физический, а еще стремление к материальной роскоши и абсолютный аскетизм. И так далее, их много. И вот когда человек находит середины всех линий, превращая их как бы в розу или звезду, он выходит в трехмерное духовное измерение, мир объемного миропонимания. Это то, что сведет с ума существо из двухмерного пространства, ведь все-таки для человека земного трехмерный мир и есть его обыденность. Духов-

ный мир есть создатель этой химической лаборатории и инструментов для своих игр. Когда столяр, гордясь собой, говорит «я создал этот табурет», это значит, что табурет прошел все стадии своего появления от дерева в лесу, досок, гвоздей, сборки и окраски. Все остальные, кто не знает, как это делается, видят только результат. Кто-то даже думает, что это происходило за счет нескольких взмахов руки. Когда художник выставляет свою картину, все им восхищаются. Это значит, кто-то набрал волоса, собрал в пучки, к пучкам приделал ручки, получились кисти. Химик сделал краски. Художник это все приобрел, придумал сюжет, написал. Путем цепочки длинного труда создается легкая красота. И в этом малом примере можно увидеть перспективу человека в будущем. Почему дети – цветы жизни? Потому что каждое новое поколение – это шаг к новому миру, новому сознанию и новому обществу. Часто будет казаться, что то или иное направление есть ствол дерева эволюции, который дает ход развития, но на деле окажется веткой, как, допустим, технологический прогресс. Такие ветки создают крону. Дерево истории наполнено такими ветвями, и этим оно интересно и красиво. Но ствол его всегда непредсказуем. Что есть движение вверх – всегда интрига. Но ищущий обретет. Поэтому вдохновлять ребенка на поиск – самый верный путь.

Я спросил:

– А для чего я должен был посетить четыре предела на земле?

– Если ты решишь родиться на ней, твоя память сотрется, но останутся зерна смыслов. Если в тебе будут хоть самые малые зерна всех ее пределов, они будут манить и не оставят в покое. Так ты точно не потеряешь свою искру в рутине серости и не станешь Человеком Обслуживающим.

Перед нами высились горы, и, поднимаясь, мы увидели усыпанные по ним горящие окна домов, множеством своим уходящих ввысь, и где кончались окна домов, а где начинались звезды, было не разобрать. И от окон этих исходило

радушие, от каждого слышно было беззвучно: «Рады тебе, откуда ты, путник?» Тропы вились там так разнообразно – вверх, вниз, вправо, влево и в еще одну сторону, которую на земле не увидеть – что глаза разбежаться стали. Помимо этого, там еще были ходы в пещеры внутрь гор, из которых тоже светились очаги. Над головами всюду сходились извилистые ветви. Мы блуждали, все было волшебным, все было интересно. Попутчик мой свернул, а я один вышел на скалистый уступ. Там в свете луны грохотали бушующие волны океана, волны дыбились и пеной своей поливали высокий уступ.

Глава 8

Здесь я перестал чувствовать стремление так ярко. Здесь атрофируется динамика. Жизнь затягивает в свою одноментность. Каждый миг – это созерцание, время постоянно стремится замедлиться. Запахи огромных цветов, невероятные существа, каждое проявление притягивает к себе внимание, каждое место и собеседник бесконечен в своих интересных деталях, и время останавливается. В каждом месте находишь все новое, каждый из повстречавшихся – особенный. Я обратился в темно-синюю бушующую даль:

– Что же со мной все-таки было? Кто я?

Я вернулся наверх, а там луг. В свете луны тот волшебный лев стоял. Его голос, который звучал со всех сторон, ответил мне:

– Ты захотел ощутить одно из наивысших наслаждений, увидев некоторый из ликом всевышнего, тот, который имеет

последствия. Он сразу забирает все по полной мере за твое наслаждение по закону равновесия. И ты согласился. Осознание лика приходит потом. Сначала – отвешенная мера. Для тебя последствия были фатальными. Увидев его, ты впал в полное забытие и рухнул в нижние миры. И мог бы остаться там, если бы тебя не манило сияние. Чтобы опять подняться, ты прошел все уровни миров. Мало того, твоя мужская душа раздвоилась на два тела, и вторую часть выбросило на какой-то из миров, и ты там проходишь до сих пор ту же дорогу, но в малой проекции одного мира. Все это время женская часть твоей души была всегда с тобой. Она не могла вернуть тебе память, ты ее должен был восстановить сам. Сам пройти из самого мрака на свет. Мужская часть души всегда принимает большую часть тяжести на себя, но она двигающая часть. Женская часть всегда имеет лучшую память. Даже на плотных планетах женщина многое помнит или чувствует. И она помнила все и всячески оберегала. Для нее это тоже тяжело, это может отразиться на ее здоровье в плотном теле. Когда у тебя наступил критический момент накопления тяжести и ты стал тонуть, она взяла часть тебя, в которую поместила все больное, чтобы оно не убило тебя, и устроила ритуал жертвоприношения. В огне сгорели твои страхи. Мистерия жертвоприношения стоила ей дорого. Опустошившись, она родилась на земле рабыней, но была отдана в храм, где служила своим трудом. Она стала одной из жриц. А часть твоя к тебе вернулась, восполнив тебя. Созерцание того бли-

стающего лика всевышнего, которого ты так жаждал, придет к тебе, когда ты найдешь свое второе тело. Ты пришел сейчас туда, откуда ты свалился, вниз, и ты вправе здесь остаться и воссоединиться с супругой, сделав свою душу объемной. И пребывать в наслаждении неисчислимо количество времени.

Я знал в себе желание гореть, действовать в мире земном, творить. Я хочу участвовать в земном спектакле. Я хочу, чтобы этот мир отразился там. Мои мысли и образ будущего передадутся потомкам, залягут в основу их тел, а они это укрепят и передадут своим потомкам. Так появится на земле человек, который сделает плотный мир духовным, и тогда змея укусит себя за хвост! Все, что там происходит, способствует развитию и в тонком теле и открывает новые тайны. Но в последнее время мной овладела мечта держать руку нежной бесчисленное количество времени.

Я был с ним и одновременно в другой части этого пространства и легко мог перемещаться на далекие расстояния. Я вдыхал и выдыхал запахи, а ведь все разные. Там цвели огромные, как белые колокола с фиолетовым проблеском, а там – маленькие, но очень яркие, голубые. В другом месте еще цвета, неизвестные мне. Сон там тоже есть, и наутро я увидел рассвет, мягкий и ласкающий. Это был тот рассвет, к которому я шел, но даже не к самому свету, а к рассвету душ. Я шел к жизни, которая сияла тут в каждой точке. Заходил в каждый дом, и каждый хозяин был интересен. Взгляд на

существование у каждого был своеобразен, но един со всеми одновременно. Многие рассказывали мне о далеких местах, и чем дальше, тем удивительнее. Здесь представлены все культуры земные, но в самом своем рассвете, во всей своей красоте и полноте. Самые достойные сыны всех народов, самые светлые и самые простые наполняли эти культуры. Однажды идя увидел мужчину и женщину глядящих друг другу в глаза и поедаящих друг друга зрачками. И узнал ее. Она, та женщина со сломанными руками, но теперь молодая и красивая полная любви. Их сыновья переняли любовь и старания матери, как зерно спеющее взросло оно в их потомках и зацвело в одном из пра правнуков под именем Тулун, которое сияло для многих людей как солнце.

И так, недалеко прогулявшись, я вернулся. Ждал неистово. Где же она? И так, проходя в одно время горные кряжи, в высоте увидел сияние огня дикого и пошел к нему, а там девушки в расписных платьях кружат в вечернем закате, да так быстро, что сплываются их образы. И почувствовал, что нельзя. Женская магия тут. Тут свой танец, не для посторонних. А я спрятался. И смотрю. И вот среди них одна. Она. Эти руки и эти глаза. И кажется, вот сейчас зацветет и покроется плодами, и будет кормить, и будет дарить, вся такая переполненная материнством, нежностью. Я вскочил и набросился на нее. Схватил – и деру. Крик, шум, и они за мной. Что ж я такое делаю?! Что же теперь мне за это будет? Забегаю с ней в темное полесье, а сил уже нет. И вдруг

передо мной мой старый друг, певец из Скифии. Встречает меня, смеется, рядом быстро выкапывает лунку в земле и кидает туда желудь. «Быстрее прыгай в лунку!» И я становлюсь туда, и желудь начинает прорастать в мою ногу, а потом и во всего меня, и я становлюсь дубом, огромным, раскидистым, а украденная мною моя сокровищница – веткой моей. И стою я, отодвигаю кроны, и не заметили меня поначалу, а потом вернулись и давай лупить по стволу, да так, что аж припекать стало. И снова я стал собой и побежал, а сил нет. И вот друг мой опять пришел на помощь. И у меня начинают расти мышцы, и мне все легче, и вот я уже огромный коренастый белый бык. А друг мой хохочет:

– Эгей, юначе! Эгей, ловкач!

И я тоже стал смеяться и от этого спотыкаться, и живот болит уже, а я несусь и смеюсь. А сестры ее, моей ворованной добычи, стали кобылицами и меня уже настигают. И сделав изо всех сил самый мощный скачок, ударившись о землю, растекся туманом по траве. А кобылицы давай скакать и лгать туман. Но тут пришла женщина, которую я уже видел на земле. Она казалась гораздо старше всех, кого я видел тут. Не внешне. Она зашла в эту траву. Кобылицы остановились и расступились. Наклонилась, собрала туман руками и вскинула в темнеющее с розовой полоской небо. И я, бесформенный, плавал и искал свою добычу. Я был счастлив.

Я расплавился и впал в забытие, видя только ее перед со-

бой, а наутро накинута на нее как хищник. И она меня целовала – настойчиво, как и я ее. А потом отодвинула меня: «Подожди, чуть-чуть осталось». Встала и ушла. Побежал за ней, а там обрыв, и солнце яркое по водной глади скользит в глаза. И ее образ. И я прыгаю с обрыва за ней и лечу.

Вижу, солнце пропало. Что же такое? И обрыва уже нет, с которого я сорвался, а впереди мужчина и женщина, огромные фигуры, в соитии. И вижу, солнце уменьшилось, и у нее внизу живота светит, а на фоне света – образ той, за которой погнался я. Я к ней, а она не она. Она бриллиантовая звезда. Яркими потоками сияет для меня. Начинаю уменьшаться. «Я жду тебя на земле родной. Найди меня, прошу», – услышал напоследок в голове. И уменьшался, и уменьшался, да так, что почти совсем меня не стало. И потом тяжесть ощутил. Как в воду тяжелую окунулся. «Утренняя звезда для тебя светит, не теряй ее из виду, не опускай глаз, пусть она тебя ведет в самых темных закоулках. В добрый путь!» И я понял, что иду на землю. Блеснул яркий свет, и оказалось, что тело мое земное – то мое второе, потерянное, тело.